

Ирина Шанина
СНЯТЬ СТАЛКЕРА

ПРОМЕТЕЙ

Ирина Всеволодовна Шанина

Снять «Сталкера»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27355241
Снять «Сталкера»: Прометей; Москва; 2018
ISBN 978-5-906879-99-8

Аннотация

Мы любим, когда исполняются наши заветные желания. В сказках вопрос с желаниями решается легко: хочет, к примеру, девушка поехать на бал, как тут же появляется фея-крестная с волшебной палочкой в одной руке и парой туфель из последней коллекции известного модельера в другой. Или, скажем, парень вообще ничего особенного не хочет, но в руки ему попадает старая медная лампа, парень чистит лампу, после чего единственной проблемой в его жизни становится, – что бы еще пожелать. Важно: ни фея с туфельками, ни обитатель лампы не требуют платы за предоставленные услуги.

Увы, не всем так везет. У большинства в крестных отнюдь не феи, а заурядные тетеньки из числа дальней родни. Найденные на чердаке медные лампы представляют интерес разве что для старьевщика. Но, говорят, есть места, где желания сбываются у всех, а не только у отдельных счастливиц.

Если вы думаете, что места эти находятся очень далеко, вы ошибаетесь. Эти места совсем рядом...

Герои новой книги Ирины Шаниной заплатят самую высокую цену за исполнение желаний.

Бойтесь своих желаний, иногда они исполняются...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Глава I. Лена Шебо	6
Глава II. Ба Мери	11
Глава III. Андрей (Эндрю) Николаенко	19
Глава IV. Брайан Делафонте	27
Глава V. Нэнси Вайз	39
Глава VI. Стэйси Ковальчик	51
Глава VII. Лю Фонг	64
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Ирина Шанина

Снять «Сталкера»

© Шанина И., 2018

© Издательство «Прометей», 2018

Глава I. Лена Шебо

Сценарий не получался. Такое случалось и раньше. У каждого автора бывают хорошие и плохие дни. Но, пожалуй, впервые у нее вышел настолько мертвый текст. Текст, который невозможно исправить, а можно только стереть и начать заново. С другим сюжетом, другими действующими лицами...

Лена Шебо потушила сигарету, подошла к окну и открыла его. Соседи из дома напротив уже начали готовиться к Рождеству: на дверях висел зеленый венок из остролиста, во дворе дети наряжали елку. Лена вздохнула и закрыла окно. Через четыре месяца ей исполнится тридцать, можно начинать подводить промежуточные жизненные итоги. Подводить же, по сути, нечего. Семьи нет, за последние четыре года ни один ее сценарий не был принят в работу. Если бы не Эндрю, пришлось бы вернуться к родителям. Те, конечно, не дадут умереть с голоду, семья не совсем американизировалась, русские корни дают себя знать. Но за свою помощь они потребуют полного повиновения. Надо будет отчитываться, куда и зачем она ходит. И Эндрю... Он не нравится родителям. Потому что за пять лет, что Лена с ним встречается, так и не сделал предложение. В последний раз, когда они с Эндрю навещали ее родителей, отец в лоб задал ему вопрос, как долго он собирается морочить голову их дочери. Эндрю за

словом в карман не полез, сказав, что это их с Леной личное дело, в которое никто не имеет права вмешиваться. В итоге все разругались вдрызг. С тех пор Лена ни разу им не звонила, так как считала, что отец вел себя недопустимо грубо. Впрочем, родители тоже не давали о себе знать. Может, мама и хотела бы заехать, но боится, что отец об этом узнает и устроит скандал, а потом полгода, не меньше, будет дуться.

Эндрю Николаенко... Лена сама толком не понимала, хочет ли она за него замуж. Он тоже из семьи с русскими корнями, только его дедушка приехал в Америку не с пустыми карманами. Поговаривали, что старший Николаенко привел с собой двенадцать рыболовных траулеров, и что теперь ему обратно в Россию дорога заказана. Если честно, он туда не особо и рвался. Как любит пошутить Эндрю «дедушка свалил из Владика, потому что надоело каждый месяц покупать новую машину, взрывали все время». Может, это и не шутка вовсе. Перебравшись в Сиэтл, Николаенки быстро купили себе дом на Магнолии (отвалив за него миллион кэшем, что для американцев было совсем уж дивом дивным) и подозрительно быстро получили гражданство.

С Эндрю Лена познакомилась совершенно случайно. Она тогда впервые в жизни сняла апартаменты, по этому случаю дома состоялось несколько бурных скандалов: отец считал, что девушка до замужества должна жить с родителями, мама, как всегда, была полностью с ним согласна. В конце концов ей все же удалось убедить их, что нет ничего страшного в

том, что она будет жить самостоятельно. Тогда ей и на самом деле так казалось. Ее первый сценарий купили практически сразу. Окрыленная успехом, она мечтала о сладком моменте, когда будет стоять на сцене с золотой статуэткой Оскара в руках. В номинации «лучший сценарий». Она была так в этом уверена, что сначала даже не поверила, что второй сценарий отклонили. Агенту пришлось повторить неприятное известие четыре раза, прежде чем до нее дошло. А когда дошло, откуда-то из темных глубин сознания вылезла и оформилась гаденькая мысль, что это – конец. Мысль эта показалась ей такой ужасной, что она постаралась немедленно загнать ее туда, откуда она выползла.

Вечером она впервые пошла в спортивный зал, – чтобы «дурь потом вышла», как любил повторять отец. Когда после тренировки она заглянула в спорт бар, чтобы выпить стаканчик рекомендованного тренером травяного настоя, около стойки сидел Эндрю. Ей было грустно, и все случилось само собой. Они поболтали, потом поехали к ней. О том, что он и есть «тот самый Николаенко» она узнала только через несколько месяцев, когда Эндрю пригласил ее на день рождения своей младшей сестры. Удивительно, но даже тогда у Лены не возникло ощущения, что синяя птица удачи залетела к ней в окно. Она чувствовала, что старшие Николаенки исподтишка разглядывают ее. Но окончательно добила Лену незнакомая рыжая девица, которая была с Эндрю «на ты» и всячески давала понять, что в совсем недавнем

прошлом их связывало нечто большее, чем «просто дружба». Улучив момент, рыжая зажала Лену в углу и злобно прошипела: «Рассчитываешь урвать завидного жениха, девочка? Не выйдет». Примерно в том же духе, хотя и не так прямолинейно высказалась за чаем миссис Николаенко. Эндрю это заметил, ничего не сказал, но больше они ни разу не ходили в гости к его родителям. Лена думала, что скоро, очень скоро он ее бросит, но он продолжал звонить, заезжать, а когда стало ясно, что ее сценарии не пользуются спросом, начал помогать деньгами.

Вот и сегодня он обещал заехать. Кстати, сколько времени? Господи, он будет через десять минут, а она совсем не готова. Лена судорожно бросилась в ванную, приводить себя в порядок, а когда вышла, в прихожей улыбался Эндрю.

– Вот, – он протянул ей большую плюшевую собаку, – Ты собиралась навестить бабушку. Это ей подарок.

Все же он очень милый. Лена не подумала о подарке, а он подумал, купил и привез. Хотя бабушку в глаза не видел.

– Спасибо, милый, – Лена чмокнула его в щеку, – Ты не хочешь со мной поехать? Ба Мери будет рада с тобой познакомиться.

– Не могу. Надо заскочить к родителям.

Он быстро поцеловал ее и пошел к выходу, но у дверей остановился.

– Как твой сценарий, Лена?

– Плохо, – честно призналась она, – ничего не выходит.

– Я не хотел тебе говорить, думал сделать сюрприз на Рождество... Я уговорил отца, он даст мне денег на фильм. Нужен хороший сценарий. Он считает, что надо взять профессионального сценариста, но я хочу дать шанс тебе.

Он ушел, оставив ее переваривать услышанное. Господи, это действительно шанс. Нельзя, никак нельзя упустить его. Лена подошла к компьютеру, открыла только что написанные страницы. Нет, с этим ничего уже сделать нельзя. Нужна новая идея. Ладно, сейчас она съездит к бабушке, а когда вернется, будет работать и у нее обязательно получится.

Глава II. Ба Мери

Ба Мери живет в Киркланде, в небольших апартаментах на берегу моря. Ей далеко за семьдесят, но она категорически отказывается переезжать к родителям Лены.

– Я, деточка, родилась в такое время и в такой стране, – любит повторять Ба после третьей рюмки настоящей русской водки, – что научилась ценить свободу.

Ба лукавит. На самом деле из России она уезжать не хотела. В Америку рвался дед, ныне уже покойный. Они эмигрировали сразу после окончания института. А когда началась «перестройка», Ба ненадолго прилетела в Москву и, вернувшись, категорично заявила мужу: «Аркадий, ты идиот... Все, что ты имеешь здесь, можно теперь иметь и там, но для этого не нужно так сильно напрягаться». Дед обиделся на супругу так, что месяц с ней не разговаривал.

Лена не помнит деда, он умер в 2000-м, успев увидеть новорожденную внучку, и не дотянув два месяца до начала нового тысячелетия. А вот к Ба Мери она любила ездить в детстве. Наверное потому, что дом Ба был не похож на дом Лениных родителей. Ба варила вкусные борщи, ругала местную сметану, жаловалась на отсутствие в супермаркетах ее любимого кефира, и, когда открылся первый «русский» магазин, стала там постоянной покупательницей.

– Ешь, Леночка, – любит повторять Ба, наливая полную

тарелку густого аппетитно пахнувшего супа, к которому полагается чудесный черный хлеб с тмином, который Ба почему-то называет «бородинским», – дома тебя таким не покормят. Что эти люди понимают в настоящей кухне?

Последний вопрос был риторическим, этим Ба подчеркивала ущербность здешней цивилизации. А еще у Ба на полках стояли русские книги. Когда Лена была маленькой, Ба читала ей про рыбака и рыбку, разбитое корыто, Емелю на печи (против этой сказки активно возражал отец, считая, что в Америке такое воспитание не принесет ребенку ничего, кроме вреда). Ба слушала, улыбалась и всегда все делала по своему, что восхищало Лену. Еще у Ба была гитара, на которой она наигрывала русские песни. Лена особенно любила песню про пиратов, – «когда воротимся мы в Портленд, мы будем кротки как овечки, но только в Портленд воротиться нам не придется никогда».

Лена улыбнулась, вырубивая на автостраду, ведущую в Киркланд. Сколько времени она не была у Ба? Месяца четыре, наверное. Но Ба никогда не обижается. Она, как это по-русски, Лена нахмурилась, вспоминая нужное слово, Ба самодостаточна. Лене иногда кажется, что если бы все они, – мама, отец и сама Лена вдруг перестали бы ездить к Ба, та заметила бы это (если бы вообще заметила), в лучшем случае, через год.

Вот и знакомый дом. Ба машину не водит, но парковочное место держит на случай, если нагрянут гости. Лена ставит

свою Тойоту в третий слева ангар и заходит в подъезд.

В отличие от своих соседей Ба запирает двери, потому что родилась и первые двадцать лет своей жизни прожила России, но, поскольку вот уже без малого полвека она живет в Америке, то ключ от запертой двери хранится в прислоненном к косяку зонтике. Лена вытряхивает ключ, открывает дверь и заходит.

Ба сидит перед телевизором со стаканом пива в руке. На экране разговаривают трое мужчин. У одного в руках бинты, к которым привязаны какие-то некрупные предметы, напоминающие гайки. Лена молча подходит и целует Ба в затылок.

– А, это ты, – отвечает Ба, не поворачивая головы, – наливай себе пиво и садись. Что Эндрю? Он так и не решился приехать?

– Нет, Ба...

Лена идет к холодильнику, достает оттуда апельсиновый сок, наливает себе и возвращается в гостиную.

– Ну что, – интересуется Ба, – твой приятель все еще носит со своей бредовой идеей спродюсировать фильм? Из него продюсер, как из дерьма пуля.

– Отец дает ему деньги, – тихо отвечает Лена, не отрывая глаз от экрана, – что это за фильм, Ба?

– Очень старый, снят полвека назад. «Сталкер» называется. Ты не смотрела?

Лена качает головой, нет, она ни разу не видела этот

фильм, даже не подозревала, что у Ба такой есть.

– Эти люди, где они? – Лена внимательно смотрит на экран.

– В Зоне...

– А кто из них Сталкер?

Ба не успевает ответить, один из героев фильма (нервное умное лицо, прическа «ежик», островок седины над левым виском) убеждает второго (ироничный тип средних лет в длинном пальто): «Я понял, что если кого Она и пропустит, то это будете Вы...».

Стало быть, этот, с сединой, и есть Сталкер. Он водит людей в Зону, – поняла Лена, а что там, в Зоне, никто не знает. Внезапно Лена почувствовала, как внутри у нее что-то екнуло. Давно такого не было, это означает, что сейчас или очень скоро появится хорошая идея.

– Ба, ты можешь мне дать этот фильм?

– С возвратом, – Ба, как всегда, верна себе.

– Мне пора ехать, Ба...

Ба Мери молча берет пульт, выключает домашний кино-театр.

– Диск сама вытащишь. Коробка там, на полке.

Лена кладет диск в коробку, запихивает ее в сумку. Затем, спохватившись, вытаскивает плюшевую собаку и конфеты.

– С Рождеством, Ба, с наступающим годом собаки!

Ба машет рукой в сторону журнального столика, чтобы Лена положила туда подарки.

Уже в дверях Лена оборачивается.

– До свиданья, Ба.

Стриженный затылок слегка наклоняется вперед, худая рука взлетает в прощальном салюте.

Сев в машину, Лена торопливо набирает номер Эндрю. Два раза звонок срывается, на третий Эндрю все же отвечает и Лена с неудовольствием убеждается, что он в гостях у своих родителей и что в тех же самых гостях находится та рыжая нахалка, претендовавшая на исключительное внимание Эндрю четыре года назад. Рыжая (кажется, ее зовут Элина или Виолетта, Лена точно не помнит) очень довольна тем, что Лена видит их вместе с Эндрю. Она как бы невзначай кладет голову ему на плечо и воинственно поглядывает на Лену. Эндрю, дурачок, даже не понимает, в эпицентре какой битвы находится. Он весел и слегка пьян.

– Ленка, молодца, что позвонила. Приезжай к нам...

– Эндрю, мне нужно поговорить с тобой без свидетелей.

Последние два слова она произносит с особой интонацией, Эндрю немного приходит в себя, стряхивает с плеча рыжую Элину (или все же Виолетту?) и уходит в свою комнату, которую старшие Николаенки сохранили точно в том виде, в каком она была, когда подросток Эндрю посещал среднюю школу. Лена видит, как он закрывает за собой дверь, прислушивается, не стоит ли кто, уткнувшись глазом в замочную скважину (старомодные Николаенки так и не решились заменить традиционные дверные ручки на модные сенсорные

кнопки), и возвращается к разговору.

– Ну, что там у тебя? Что за тайну ты открыла?

– Я ездила к Ба Мери. Она благодарит тебя за подарки...

Эндрю корчит смешную рожицу, по Лениным рассказам ему нравится Ба Мери, но если Лена оторвала его от приятного времяпровождения только из-за Ба...

– Как часто принято делать римейки, Энди? – резко меняет тему Лена.

Он мгновенно становится серьезным. Наверное, именно поэтому Николаенки так преуспели в жизни: они умеют, когда надо, отринуть развлечения и сконцентрироваться на главном – на ДЕЛЕ, которое сделает их еще богаче.

– Ну, лет через двадцать, наверное, уже можно... Что ты задумала? Римейк делать – ни славы, ни сборов. Критики будут сравнивать с оригиналом и ругать тебя. Зрители будут сравнивать с оригиналом и тоже ругать тебя. Если ты хочешь предложить мне снять очередную версию Кинг-Конга, то я, пожалуй, воздержусь. И не забывай, что деньги мне дает не чужой дядя, а мой отец. С чужим дядей было бы проще. Отцу же лапшу на уши не повесишь. Если я принесу ему сценарий римейка какого-нибудь культового фильма, знаешь, что он сделает? Выбросит его в мусорное ведро.

Выговорившись, Эндрю замолчал, но не отключился, ждал, что она начнет его уговаривать. Лена не произнесла ни слова. Она знала, что ему требуется, как минимум, три раунда, чтобы потом, успокоившись, выслушать ее мнение.

– Ну, ты сама посуди, – продолжил Эндрю, – Мелвилл снял римейк «Властелина Колец». И что? Только ленивый не ткнул ему в нос тем, что ТОТ САМЫЙ ВЛАСТЕЛИН, снятый много лет назад, получил тучу Оскаров. И заслуженно получил, а нынешняя экранизация – слабое подобие. И хоббиты не такие мохноногие, и само кольцо выглядит не так, как у Толкиена.

Лена молчала. Ждать осталось недолго, вот сейчас он скажет, «ну, ладно, выкладывай, что ты там придумала».

– Ну, ладно, – сказал Энди гораздо более спокойным тоном, – я на тебя накричал. Виноват, не хотел. Выкладывай, что ты там придумала.

– Я была у Ба... И поняла, что кассу мы сможем собрать только на триллере. Бюджет, ты сам говорил, у нас будет небольшой. Гонорары мы не сможем платить ураганные. Стало быть, и актеры, и режиссер публике будут мало известны. Это плохо. Без известных имен зритель на фильм не пойдет. На дорогие спецэффекты у нас тоже денег нет. Остается что? Триллер, или что-нибудь в этом роде.

– Это и есть твое «открытие»? – поинтересовался Эндрю. – Я сам уже давно решил, что снимать будем триллер. Именно по тем же самым соображениям, что ты сейчас тут наговорила. Что-нибудь еще? Или это все на сегодняшний день? Мне казалось, что ты должна писать сценарий, а об остальном буду думать я.

– Я понимаю, – Лена почувствовала себя глупой и ненуж-

ной, но упрямо продолжала – я взяла у Ба диск с фильмом. Он снят в России пятьдесят с лишним лет тому назад. О том, как три человека пошли в Зону, искать комнату, исполняющую желания.

– Кажется, такое уже где-то было, про комнату, исполняющую желания, – перебил ее Эндрю, но по тому, как изменился его голос, она поняла, что попала в точку.

– Ты можешь заехать ко мне сегодня? Я хочу, чтобы ты его посмотрел.

Глава III. Андрей (Эндрю) Николаенко

Они уже два раза посмотрели этот длинный русский фильм. Что же, задумка неплохая. Но исполнение... Не выдерживает никакой критики. Во второй раз Эндрю засек время и вышло, что в Зону герои попали аж через 35 минут после начала фильма. Совершенно непозволительно так долго раскачиваться. Это первое. Второе, в Зону пошли всего три человека. Если делать римейк, то надо, чтобы было не меньше пяти. Потому что не все дойдут до комнаты. Насколько он, Эндрю, понял из английских субтитров (герои фильма говорили быстро и эмоционально, он не всегда улавливал, о чем они спорят), Зона – это след чужой цивилизации. Цивилизации, не имевшей намерения захватить или поработить землян (вот это хорошо, а то сюжет со злобными инопланетянами-захватчиками не способен напугать даже малышей). Значит, есть шанс сделать что-то, если не интересное, то, по крайней мере, нестандартное. Эндрю покосился на Лену, та, не отрываясь, в третий раз смотрела длинное и скучное с точки зрения Эндрю начало.

Надо признать, что голова у этой девчонки работает как надо. И вообще, с ней очень удобно: прошло четыре года, а она как не умела, так и не научилась «качать права». Другая

бы (да вот хоть рыженькая Виолетта) уже давно поставила бы вопрос ребром – когда свадьба. А Лена молчит, хотя, наверное, в душе переживает. И насчет фильма, только такая наивная дурочка как она могла поверить, что у него есть другие претенденты писать сценарий. Другим деньги надо платить, и немалые, а она сделает это почти даром, из хорошего к нему отношения. Получится солидная экономия бюджета. А если с фильмом выгорит, то на свою следующую картину он возьмет маститого сценариста.

Эндрю испуганно посмотрел на свою подружку, как будто она могла прочесть его мысли. Но Лена вся была там, в Зоне, вместе с этими странноватыми русскими. Эндрю это почему-то не понравилось, он тронул ее за плечо.

– Как ты хочешь это переделать?

– Ты знаешь, – она говорила медленно, осторожно выбирая слова, – переделать ЭТО невозможно. Это слишком хорошо написано. Но это не ужасик, скорее – философская притча.

– Притчу не надо, – твердо отрезал Эндрю, – значит так... Слушай меня. Все время приходится за тебя работать, глупенькая...

Лена смутилась. Он широко улыбнулся, чтобы она смогла оценить степень его доброты и снисходительности.

– У нас в Зону пойдет семь, нет, пять человек. Трое мужчин и две женщины. Плюс этот, как его, сталкер. Итого – шесть.

– А почему пять?

– Потому что пять – дешевле, – отрезал Эндрю, – деньги считать надо.

Лена испуганно замолчала.

– Один будет черный, – продолжал развивать свою мысль Эндрю, – это обязательно, один азиат и один – белый. Сталкер... Тут сложнее, можно сделать его, к примеру, индейцем. Если найдем натуру подходящую. С женщинами проще: блондинка с пышным бюстом и сушеная вобла лет сорока, типа научный работник.

– А блондинка кто?

– Тоже научный работник, только лаборант. А вобла – профессор. Насколько я понял, там, – он кивнул в сторону монитора, – среди тех, кто комнату пошел искать, профессор есть, хочет Нобелевскую премию получить. Вот и у нас тоже – хочет Нобелевскую, только профессор – баба.

Лена задумалась.

– Да, пожалуй, это может сработать. Значит, женщины – ученые. А мужчины...

Эндрю перебил ее.

– С мужчинами еще проще. Черный – из бедной семьи, был членом подростковой банды, однажды чуть не ограбил воблу профессоршу. Но она – добрая душа, поняла, что парень не совсем пропащий, устроила его к себе в университет, пробирки мыть. А когда экспедицию профинансировали..., – Эндрю задумался на мгновение, потом хлопнул се-

бя по лбу, – О, придумал, этот белый, он будет экстравагантным богачом, у которого все есть, кроме комнаты, исполняющей желания. Он и профинансировал экспедицию... Уффф... Отлично! Осталось определиться с азиатом и сталкером.

– Энди, – подала голос Лена, – а почему обязательно азиат?

– Дурочка, ты слышала про такое слово «политкорректность»? Мы не можем снять фильм, не выведя в нем в качестве одного из главных героев представителя самой многочисленной диаспоры Америки. То есть, теоретически можем, но... Представляешь, сколько зрителей мы этим отсечем? Значит так, азиат у нас будет мастером кунг-фу.

– Не пойдет, – неожиданно резко возразила Лена, – вот это как раз и будет не политкорректно. Смотри, что у тебя получается.

Она подошла к компьютерному столу и взяла листок бумаги и остро наточенный карандаш. Как ни странно, но первоначальные идеи своих сценариев она записывала на бумаге: примерное развитие сюжета, основных действующих лиц. Обычно листочек валялся на столе две-три недели, ежедневно на нем появлялись новые записи. Когда «скелет» сценария был окончательно сформирован, Лена включала компьютер и начинала «творить».

Вот и сейчас она задумалась, привычно сморщила нос и быстро начала рисовать какую-то схему.

– Смотри... Женщина-профессор – это хорошо. У феминисток она пройдет «на ура». Блондинка, моющая пробирки, это тоже хорошо. Лига дискриминации женщин будет довольна. Особенно если дать понять, что блондинка моет пробирки не потому что тупая, а просто она еще неопытная лаборантка. Но блондинка усердно учится и со временем заменит воблу профессора на кафедре.

– Ты молодчина, – искренне восхитился Эндрю.

Лена прижала ладонь к его губам, чтобы не сбивал с мысли.

– А вот с черным и азиатом нехорошо получается. Финансирует у тебя экспедицию какой-то белый засранец, у которого все есть. Возникает вопрос, какого черта ему надо в комнате, исполняющей желания, если самих желаний у него не осталось? Хотя, если хорошо подумать, – на мгновение Лена замолкает, – если очень хорошо подумать, то он ищет комнату, чтобы вновь обрести желания. Только пусть этот богатый засранец будет не белым, а черным. Иначе все будет выглядеть традиционно старомодно, очередная версия «Хижины дяди Тома». А вот белый, он будет из бедной неблагополучной семьи, членом подростковой банды. Но он не будет нападать на воблу профессоршу...

Лена опять задумалась, потом захихикала.

– Придумала! У него будет любовь с блондинкой. Они познакомятся на улице, к ней будут приставать ребята из конкурирующей банды, а он ее спасет. И начнется его «второе

рождение», завяжет с улицей, пойдет учиться, а в свободное время мыть пробирки в блондинкиной лаборатории.

– Публика будет в восторге.

– Подожди, – вновь перебила его Лена, – остается азиат. Фильмы с азиатами мастерами кунг-фу уже давно не пользуются популярностью. К тому же, ты сам упомянул, что азиатская диаспора самая многочисленная в США. Посмотри статистику, сколько их в Конгрессе? Стало быть, наш азиат будет конгрессменом и в комнату он направляется, потому что хочет стать Президентом.

«А я еще колебался, не поменять ли Лену на рыженькую Виолетту», – подумал Эндрю. Конечно Виолетта намного красивее, умеет себя подать, но, когда дело касается бизнеса... Ее удел – до замужества сидеть менеджером в маленькой русской фирме. Если с мужем повезет, будет сидеть дома, если не повезет, будет и дальше сидеть менеджером. Он, Эндрю, точно знает, что в одном конкретном случае Виолетте «не повезет». А именно, на его деньги она может не рассчитывать. Он ей прямо сказал об этом два года назад, после очередного пересыпа в мотеле. Она тогда устроила скандал, требовала, чтобы он перестал встречаться с Леной, грозила все ей рассказать. Он ей тогда посоветовал не терять зря времени, а прямо сразу дуть к Лене, прихватив в качестве доказательства использованный презерватив. Виолетта удивилась, но сразу притихла. Вот тут он ей и заявил, что видит всю ее дешевую игру, что она может успокоиться по

поводу брачной церемонии, потому что, если такая церемония и случится когда-нибудь, не она будет играть главную роль. Жестко, конечно, но что поделаешь, либо ты используешь людей, либо люди тебя используют. Он, Андрей Николаенко, предпочитает первый вариант. Главное, чтобы не было ничего личного. Вот, к примеру, Лена сидит, ломает голову, как получше закрутить сюжет. А в титрах, в строке «авторы сценария» будет стоять и его имя. Ведь они же вместе сейчас работают, стало быть, и сценарий в соавторстве написан. Если фильм окажется успешным, то все переговоры о сценариях будет вести он, а Лена... Будет генерировать идеи. Главное, чтобы не встряли ее родители, а то могут ведь и в суд подать.

Эндрю встряхнул головой, чтобы отогнать неприятные мысли и попытался сконцентрироваться на том, что говорит Лена.

– Теперь сталкер. Мне кажется, что это должен быть человек без каких-то выраженных национальных черт. Просто сталкер. Можно будет показать поселок неподалеку от Зоны, где живут сталкеры. Точно! И они все очень похожи друг на друга, потому что, когда человек часто ходит в Зону, она его меняет. Незаметно, штришок за штришком. Но изменения накапливаются и однажды, проснувшись, ты видишь в зеркале чужое лицо, начинаешь бриться и понимаешь, что чужой человек в зеркале – это ты сам.

Лена мнется, а потом говорит извиняющимся тоном:

– Энди, ты извини, но не мог бы ты уехать? Мне надо поработать, ты же знаешь, я люблю работать одна.

– Не вопрос!

Эндрю целует ее в щеку.

– Поеду, поговорю с отцом. Могу я ему сказать, что сценарий будет готов через месяц.

Девушка кивает головой:

– Да, можешь. Может даже чуть раньше. Только не звони мне, пожалуйста, не торопи. Когда закончу, я сама тебе позвоню.

Довольный Эндрю выходит из подъезда. Пока все складывается так, как надо. Возле входа в подъезд цветет магнолия. Проходя мимо, он срывает цветок, возвращается и кладет его на коврик около дверей Лены. Пусть будет ей сюрприз, когда она завтра поедет в супермаркет.

Глава IV. Брайан Делафонте

Еще в детстве маленький Брайан знал, что когда-нибудь он станет знаменитым режиссером. Это было его тайной, которую он никогда никому не рассказывал. Из чувства самосохранения. В школе, где он учился, маленькие толстые очкарики не пользовались большой популярностью. И если кто-нибудь из одноклассников узнал бы о том, что очкарик Брайан в глубине души презирает остальных, считая их существами низшего порядка, упомянутый Брайан просто не дожил бы до дня вручения премии Оскар в номинации «лучший режиссер».

Все школьные годы он терпел. И только вечерами, лежа в кровати, мысленно представлял себе, как он заставит их страдать в своих фильмах. Чуть позже, уже подростком, он впервые попытался пристать к девушке и получил резкий отпор. Девушку, не ответившую взаимностью, звали почти нарицательным именем Мери-Сью, она была толстая, с коротко стриженными жесткими волосами цвета высохшей под солнцем травы. После неудачи с Мери-Сью он решил, что в каждом его фильме будет умирать блондинка.

До умирающих блондинок дело дошло не скоро. После окончания режиссерских курсов Брайан сначала подвизался на съемках рекламы, потом сделал пару клипов для модной группы «Бешеный город», играющей «урбанистический

рэп». Потом были четыре года полного застоя. Нельзя сказать, что все это время Брайан совсем ничего не делал, однако за активное употребление наркотиков вкупе с алкоголем Оскаров не дают. Брайан пил, нюхал, в общем, уверенно столбил себе место на кладбище. От воссоединения с многочисленными предками Белафонте спас случай. На одной из вечеринок Брайан встретил Зака Виальдо, хромоногую коротышку, некогда учившегося вместе с Брайаном на режиссерских курсах.

На следующий день Зак приехал к Брайану, дождался, когда тот придет в себя, и в категоричной форме потребовал, чтобы тот немедленно отправился в клинику Meadows.

Брайан попытался было послать надоедливую и не в меру заботливого приятеля, но его организм, изнуренный декалитрами алкоголя и килограммами кокаина, не пожелал вступать в боевые действия с некрупным, но гораздо более здоровым (Зак не курил и не пил ничего крепче пива) организмом противника.

Честно говоря, он до сих пор так и не понял, почему тогда Зак вдруг принял такое участие в его судьбе. Ходили слухи, что Виальдо примкнул к новомодному учению «*SS – save soul*». Последователи данного учения должны были как минимум один раз в год спасать чью-нибудь заблудшую душу. Виальдо было все равно, чью душу спасать, Брайан просто подвернулся в нужный момент.

Среди адептов «*SS – save soul*» были весьма влиятельные

люди. В день, когда Брайан Делафонте вышел из клиники, ему позвонили со студии North Star Pictures и предложили работу. В первом же фильме он осуществил свою заветную мечту – «убить блондинку».

На сегодняшний день в его активе числилось два полнометражных фильма и четыре короткометражки. А самой значительной его работой стала серия «Пришелец с Ориона» в четвертом сезоне сериала «Космическая любовь» (здесь, как и во всех предыдущих фильмах Делафонте, умирала блондинка, земная девушка, волей сценариста полюбившая простого парня с планеты Орион). Брайан, окончательно завязавший с алкоголем и наркотой, очень надеялся, что на следующий день после показа «Пришельца» проснется знаменитым. Он был так уверен в этом, что на всякий случай отключил телефон, чтобы «в последний раз хорошо выспаться», так как настоящая «звезда» очень востребована и спать ей просто некогда.

Включив утром телефон, он с удивлением обнаружил, что за ночь не пришло ни одного сообщения. Отсутствие сообщений, вообще-то, было для него нормой, но вчера, вчера должен был произойти резкий перелом в карьере. Увы, пустой ящик ставил неумолимый диагноз: перелома не было.

Брайан Делафонте набрал номер службы доставки в соседнем супермаркете и заказал бутылку коньяка.

Через полчаса снизу позвонили. Расстроенный и страстно желающий выпить Белафонте нажал кнопку «пропустить»,

через минуту в дверях вместо мальчика посыльного возник Зак Виальдо.

Он проследовал на кухню, где демонстративно вылил дорожный коньяк в раковину. После чего дал пощечину Брайану, обозвал его неблагодарной скотиной (у Деллафонте хватило ума не протестовать), после чего перешел к делу.

– Вот сценарий, – он вытащил из портфеля папку.

Несколько лет назад дотошные журналисты из скандально известного таблоида собрали статистику за последние двадцать лет и опубликовали сенсационные данные: оказалось, что сценарии абсолютно всех фильмов, номинированных на главную кинематографическую премию США, прочитывались режиссерами в бумажном, а не электронном виде. Производители электронных чипов для хранения информации обвинили таблоид в том, что факты подтасованы, а сама статья проплачена производителями принтеров, что было очень похоже на правду, так как все та же статистика неумолимо показала пятидесятипроцентный рост объемов продаж принтеров в первые полгода после публикации «исследования». Возможно, что это была обычная газетная «утка», но... Люди любят иметь дополнительные гарантии, поэтому в Голливуде теперь считалось хорошим тоном присылать вместе с электронной версией сценария бумажный вариант. Видимо, тот тип, подсунувший свой бездарный (Брайан текста еще не видел, но изначально был настроен против) опус Заку Виальдо, тоже верил в примету.

– К черту сценарий, – вяло огрызнулся Брайан.

Вторая пощечина не заставила себя долго ждать.

– Ты что дерешься? – взвыл Делафонте, потирая горящую щеку.

– Я пытаюсь привести тебя в чувство. Есть сценарий, – Зак потряс стопочкой переплетенных бумажек, – в сценарии есть блондинка, которая умрет ближе к концу. Все как ты любишь. Это твой шанс.

– Мой шанс... Ты говорил то же самое, когда я взялся снимать эту фигню с пришельцами. И там тоже, заметь, была дура блондинка, влюбившаяся в этот хмыря с Ориона, потому что у него было два члена, длинных как щупальца осьминога. И что?? Что, я тебя спрашиваю, я получил, сняв эту порнуху???

Брайан Делафонте воздел руки к небу, призывая в свидетели высшие силы.

– Ты получил деньги, – сухо заметил Зак Виальдо, – и неплохие деньги для начинающего режиссера.

– Начинающего? – Делафонте чуть не задохнулся от возмущения, – Да я...

– Да ты, – грубо оборвал его Зак, – Да ты в жизни своей ничего толкового не снял до этого пришельца. Или ты за шедевр считаешь невнятную иллюстрацию к невменяемому тексту «город рвет меня на части» этих, как их звали, тех перцев, что сочинили этот бред, да еще имели наглость выступать с ним на сцене? «Бешеный боров»???

– Город, – вздохнул Брайан, – «Бешеный город».

– Держи, – Зак сунул сценарий в руки Брайану, – у тебя есть неделя, чтобы ознакомиться и дать согласие.

– А если я откажусь? – поинтересовался Брайан.

– Попробуй, – улыбнулся Зак и добавил, – но лично Я бы на твоём месте согласился.

Зак ушел, Брайану стало немного легче. У этого Зака такая улыбка. Даже не сказать, что противная, нет. Улыбается мистер Виальдо широко, все зубы видно. Так улыбаются крокодилы перед тем как напасть на свою жертву.

Дома не было никакого алкоголя, даже пива. Брайан подумал, а не заказать ли еще раз бутылочку коньяка и вновь набрал отдел доставки. На экране появилась рыжая толстая девица с килограммом косметики на лице. Девица улыбнулась Брайану и прошептала неожиданно приятным голосом:

– Мартин продактс, чем мы можем вам помочь?

Брайан молчал.

– Алло, алло, мистер Делафонте... Чем мы можем вам помочь? – переспросила женщина.

Внезапно он заметил кое-что, напрочь отбившее желание заказывать здесь алкоголь, – значок “SS” на лацкане пиджака. Вот откуда Зак Виальдо узнал, что Брайан собрался «развязать». Он молча отключился, щеки еще горели после оплеух Зака, вторую порцию огревать не хотелось.

До самого вечера Брайан терзался сомнениями. Ему смертельно хотелось позвонить Заку, от души послать его, по-

сле чего демонстративно разорвать и сжечь принесенный им сценарий. Когда на большом электронном табло в гостиной высветились цифры 11 Р.М., Брайан признал, что сегодня героем ему не стать. Этот факт его серьезно огорчил, но, к сожалению, дома не было ни капли из тех напитков, что способствуют обретению уверенности в себе. Он пошел на кухню, зачем-то понюхал раковину, сохранившую еще запах вылитого коньяка, вздохнул и налил себе апельсинового сока.

Вернувшись в гостиную, он включил телевизор, как раз начались новости. Хитом была новость о совместном американско-российском полете на Марс. Экспедиция готовилась уже более полутора лет, последние полгода астронавты жили где-то в сибирских лесах в помещении, точно воспроизводящем внутреннее пространство космического корабля East-West. Это был эксперимент на психологическую совместимость. Вся планета с интересом наблюдала, как постепенно «выбывали» из проекта те, кто не выдержал, сорвался. Неделю назад вылетел Трит Вега. Точнее, его в последний момент спасла бригада парамедиков, когда Трит, запершись в каюте и отключив камеры слежения, залег в ванной и попытался вскрыть себе вены.

В сегодняшнем выпуске новостей известный психиатр доктор Лоувилл давал комментарий по этому поводу.

Брайан выключил звук, он всегда стремился к «высокому искусству», а жанр «реалити шоу» почитал за деятельность второго, если не третьего сорта. Кстати, и НАСА, и русские

сильно возражали против показа, но...

Решающим аргументом оказались деньги, огромные деньги. Бюджет марсианской экспедиции несколько раз озвучивался в СМИ, но, как показал социологический опрос, большинство зрителей было твердо уверено, что реальный бюджет намного больше.

Он пошел налить себе второй стакан сока, а когда вернулся, то увидел на экране лицо Зака. Как нарочно, пульт закатился под диван, система голосового управления отказала два месяца назад, а Брайан так и не удосужился вызвать мастера.

Пока он доставал пульт, Зак уже исчез с экранов, вместо него возникла приятная во всех отношениях дикторша, Брайан уловил конец последней фразы: «Продюсерами фильма выступают Зак Виальдо и Эндрю Николаенко, снимет фильм режиссер Брайан Делафонте, известный зрителям своей работой «Пришелец с Ориона»...»

Сначала он решил, что ослышался, но тут стали транслировать эпизод из «Пришельца», сцену смерти блондинки, полюбившей не того парня, и Брайан понял, что не ослышался, что минуту назад диктор произнесла его фамилию.

Зазвонил телефон, Делафонте нажал кнопку «принять вызов» и машинально произнес «алло». Звонил Зак Виальдо.

– Ты смотрел сегодня новости? – поинтересовался он, нагло ухмыляясь.

– Ты мог бы предупредить меня, – у Брайана Деллафонте не было сил возмущаться.

– Я хотел сделать тебе сюрприз, – спокойно ответил Зак, – ты прочел сценарий?

Брайан его даже не открывал, но сказать об этом Заку было чистым самоубийством, пришлось выкручиваться.

– Я начал его читать, тяжело идет. Кто автор?

– Подружка второго продюсера, некая Лена Шебо. Она русская.

– Это многое объясняет, – саркастически заметил Брайан, – а я еще удивлялся, почему это так нечитабельно.

– Мне понравилось, – коротко заметил его собеседник, – так что тебе придется напрячься и дочитать это до конца. А потом хорошо подумать, как ты будешь это снимать. Нам нужен шедевр.

– И это говоришь ты? – искренне удивился Брайан, – Ты сам несколько часов назад упрекал меня в бездарности.

– Я не говорю, что ты гениальный режиссер. Я думаю, что это хороший сценарий. Прочти его внимательно.

Зак помолчал, а потом, когда Брайан уже решил, что соединение прервалось, неожиданно добавил:

– Я пришлю фильм, римейк которого тебе предстоит сделать. Советую изучить его кадр за кадром. Мне нужно, чтобы ты сделал не хуже. Лучше не получится, так как это шедевр, но **ТЫ ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ НЕ ХУЖЕ.**

И отключился. Брайан плюнул и в сердцах ударил ладо-

ную по потухшему экрану. Что-то было не так, Зак что-то явно не договаривал. Брайан всегда четко представлял себе границы собственных возможностей и никогда не думал о себе как о непризнанном гении. Может быть, именно это и мешало ему подняться на вершину кинематографического Олимпа.

Он с отвращением взял текст, сочиненный незнакомой русской барышней, сел в кресло и открыл первую страницу.

На табло будильника высветились цифры 3.0 AM, но спать совершенно не хотелось. В причудливых поступках главных героев, непонятных и нелогичных, в их бесконечных монологах постепенно стала прорисовываться определенная логика. Финал оказался изящным и неожиданным. Кем бы ни была эта (тут Брайан посмотрел на первую страницу обложки и не нашел там имени автора) девушка, голова у нее работала хорошо.

В семь утра, когда уже вполне прилично звонить, Брайан Делафонте набрал номер Зака Виальдо. Через пятнадцать гудков включилась запись. Секретарша Зака, всем своим видом выражая огорчение, сообщала, что «господин Виальдо в данный момент не может с Вами переговорить», и тут же предлагала «оставить сообщение или переслать информацию, которую господин Виальдо просмотрит в ближайшее время». Сообщение Брайана было очень коротким:

– Я был не прав, Зак. Я хочу снять этот фильм.

Он выключил телефон, принял душ и с наслаждением за-

валился на диван. Он проснулся с неприятным ощущением, что на него кто-то смотрит. Брайан открыл глаза, в кресле рядом с кроватью уютно расположился друг-недруг Зак Виальдо.

– Вставай, – сурово сказал гость, – пора начинать работу.

Через час у нас встреча с Эндрю Николаенко.

– С кем? – Делафонте потряс головой, но так и не проснулся окончательно, фамилия Николаенко показалась смутно знакомой, где он мог ее слышать...

– Одевайся, – Зак проигнорировал его вопрос.

Брайану очень не хотелось вылезать из-под одеяла в присутствии Зака. Он почему-то стеснялся своего начавшего дрябнуть тела, жиденькой щетины на груди и любимых полосатых трусов-боксеров. Но Виальдо, даже если и почувствовал смущение Брайана, не отвернулся, не вышел из комнаты, а продолжал сидеть и смотреть.

«Робот проклятый», – подумал Делафонте и нарочно откинул одеяло, смотри мол, любуйся...

Через сорок минут они уже ехали в автомобиле Зака на встречу с незнакомым мистером Николаенко.

Мистер Николаенко не понравился Брайану Делафонте сразу. Самодовольный тип, лет на десять моложе Брайана. Из тех, которые «родились с серебряной ложкой во рту» и на основании этого твердо уверены, что их мнение и есть истина в последней инстанции. Делафонте сразу навскидку вспомнил человек пять из своей школы, отличавшихся точно та-

ким же подходом к жизни, как и мистер Николаенко. Нелюбовь оказалась взаимной, Эндрю Николаенко еле поздоровался с Брайаном, а весь свой последующий монолог произнес, обращаясь к Заку Виальдо. В процессе разговора он несколько раз выразил сожаление, что ограниченность бюджета не позволяет им взять более маститого (читай между строк – более талантливое) режиссера. Зак улыбался своей крокодильей улыбкой и согласно кивал, искоса поглядывая на Брайана, как он все это стерпит. Брайан понимал игру Зака, не понимал только, зачем тот все это делает. В какой-то момент Брайану показалось, что Зак подал болтливому и невоспитанному мистеру Николаенко знак глазами. Николаенко поперхнулся на середине фразы и, резко сменив тему, заявил, что, «несмотря на разногласия, которые, несомненно, будут», так как «мистер Делафонте личность творческая», он, Эндрю Николаенко, твердо уверен, что «они сработаются и снимут хороший фильм».

– Теперь актеры, – вступил в разговор Зак, – я думаю, Брайан, тебе надо будет держать этот вопрос на контроле.

Он опять улыбнулся и добавил:

– Особенно выбор блондинки. Как она умрет на этот раз, Брайан?

Глава V. Нэнси Вайз

Вчера вечером Нэнси Вайз в очередной раз пришлось долго разговаривать с матерью. Опять придет огромный счет от телекоммуникационной компании. И придется платить, ничего не поделаешь. У матери дурная привычка звонить за счет собеседника. Правда Нэнси подозревает, что такую шутку она проделывает только с ней, с Нэнси, но от этого не становится легче. Вчера мать перепутала, она почему-то решила, что у Нэнси день рождения, позвонила, якобы, чтобы поздравить. Когда Нэнси напомнила, что до дня рождения еще четыре месяца, мать даже не смутилась. Хихикнула в трубку, после чего в течение получаса рассказывала о своих соседях, людях, с которыми Нэнси даже не знакома.

Мать говорила быстро, не давая Нэнси вставить слова, боялась, что дочь выключит телефон. Правильно боялась. Нэнси Вайз не любит вспоминать про свой день рождения. Через четыре месяца ей исполнится тридцать восемь.

Она вздохнула и подошла к зеркалу. Фигура еще вполне... Можно сказать, подростковая. Никто не знает, чего это ей стоит. Последние восемь лет она постоянно хочет есть. Иногда возникает желание плюнуть на все, намяться картошки фри и запить ее большим количеством пива. Останавливала мысль, что такого гастрономического разврата не могли себе позволить даже великие актрисы прошлого. Разве что Эли-

забет Тейлор. Но и она растолстела уже после того, как перестала сниматься, а до этого боролась с лишним весом. Говорят, у Тейлор была харизма, публика обожала ее, несмотря на пьянство, обжорство и многочисленные браки. Нэнси много раз пересматривала фильмы с ее участием и никакой особой харизмы не заметила. Просто Тейлор удивительно повезло, она появилась на экране, когда в мире стал моден этот тип красоты. Она оказалась в нужное время в нужном месте. Ей, Нэнси Вайз, не повезло. Когда-то, лет двадцать тому назад, она была уверена, что кинематографический Олимп только и ждет, чтобы упасть к ее ногам. Ей было восемнадцать, хрупкая блондинка с пухлыми чувственными губами, одинаково хорошо смотревшаяся как в средневековых замках, так и в суперсовременных дорогих авто. А ее «соперницей» была хрупкая блондинка с пухлыми чувственными губами, только той был двадцать один год, и она успела «засветиться» в нескольких очень успешных фильмах, снятых, к тому же, маститыми режиссерами. «Соперницу» звали Скарлетт Йоханссон. Когда Нэнси впервые появилась в агентстве, человек, занимающийся кастингом, просто обалдел, подумал, что Скарлетт решила над ними подшутить. Свою первую роль, в малобюджетном боевичке категории В Нэнси получила очень быстро. По молодости она не понимала, а рядом не оказалось никого, кто смог бы ей объяснить, что вторая Скарлетт Йоханссон сегодня, здесь и сейчас, никому не нужна. Вот если бы Нэнси родилась лет на

пятнадцать позже, вот тогда...

Все эти годы Нэнси ревниво следила, как развивается карьера Скарлетт. Первые пять лет она ждала, что та сорвется, растолстеет и будет вынуждена перейти на «возрастные» роли (времена другие, никто не станет ждать, когда ты похудеешь, чтоб вновь изображать юную воздушную деву). Но Йоханссон держалась в форме. Когда «сопернице» перевалило за тридцать пять, начались неизбежные проблемы с выбором ролей. Голливуд не прощает женщинам возраста. Если ты хочешь, чтобы тебя снимали после тридцати пяти, ты должна сделать все, чтобы До тридцати пяти у тебя в активе был хотя бы один Оскар. Скарлетт это удалось. Поэтому все немногочисленные, но весьма эффектные роли женщин в возрасте «слегка за тридцать» неизменно доставались Скарлетт. А Нэнси... В последний раз ей пришлось играть привидение в малобюджетном фильме ужасов. Хорошо хоть, что роль была длинная, главному герою удалось расправиться с привидением только в самом конце фильма.

Фильм провалился в прокате, пишущие о кино журналисты все, как один, ехидно отмечали слабый сценарий, отвратительную режиссуру и «жуткие, совершенно жуткие актерские работы». Имя Нэнси не упоминалась, основной шквал критики достался исполнителю главной роли, но от этого было не легче. Это было полгода назад, и тогда она впервые в жизни попробовала наркотики. Несколько необычно для голливудской неудачницы. Как правило, девушки пробуют

наркоту уже после второго неуспешного фильма. В том, что Нэнси так долго держалась, как ни странно, была заслуга Скарлетт Йоханнсон, все эти годы Нэнси Вайз ждала своего шанса и не позволяла себе распускаться. Но роль привидения доконает кого угодно. Парень, продавший ей таблетки, уверял, что это отличное средство, чтобы успокоить нервы. Нервы на самом деле успокоились. Более того, Нэнси не помнила, чтобы она была так весела в последние пять-семь лет.

На следующий день, проснувшись, она попыталась вспомнить, что было ночью... Кажется, она заехала в какой-то клуб, кажется, она танцевала... Сознание наотрез отказывалось прокрутить вчерашний вечер целиком, а упорно подсовывало эпизоды, которые Нэнси совсем не нравились. В этих эпизодах она танцевала, но не в толпе, а возвышаясь над толпой. Либо таблетки так искажали восприятие действительности, либо... приходилось признать, что танцевала она на столе. В других эпизодах в качестве декораций выступала кабинка в мужском туалете, а в качестве активного действующего лица какой-то незнакомый парень. Здесь в воспоминаниях был существенный пробел, но кое-какие выводы можно было сделать, страшно болел затылок. Так бывает, когда кто-то накручивает твои волосы на кулак и принуждает... Дальше додумывать, а тем более, вспоминать не хотелось.

Самое удивительное открытие – она ночевала у себя дома, вся одежда была на месте (не в самом лучшем состоянии, заляпанная вином и чем-то, сильно смахивающим на

доказательства супружеской измены Билла Клинтона). Через полчаса, после контрастного душа, двух таблеток аспирина и чашки кофе (аспирин помог, а от кофе стало только хуже – пришлось пулей метнуться в ванную и некоторое время провести, склонившись над унитазом), Нэнси вернулась в гостиную и села в кресло, старательно отводя глаза от зеркала, занимающего почти всю стену.

Судьба провалившегося фильма ее больше не волновала. Впрочем, в данную минуту ее не волновала даже собственная актерская карьера. Если, конечно, эти редкие появления на экране в неудачных фильмах можно назвать столь громким словом. Самый животрепещущий вопрос был – как она добралась домой. Совершенно точно, что она не приехала на своей машине. Потому как если бы она села за руль в том, вчерашнем, состоянии, сегодня можно было бы хлопотать о похоронах.

Наверное, она взяла такси. И «на автопилоте» назвала шоферу свой адрес. Сумка! Где ее сумка??? Нэнси резко вскочила и ее качнуло прямо на зеркало. Чтобы удержаться на ногах пришлось выставить вперед руки и посмотреть своему отражению прямо в глаза. Глаза были опухшие и красные. Нэнси сделала несколько глубоких вдохов и попыталась оттолкнуться от зеркала, теперь ее повело вправо. Она уперлась лбом в стекло и попыталась восстановить равновесие, что было совсем не простой задачей, так как в этом положении она видела себя в зеркале очень детально и в каждой

детали, – от резко обозначившихся носогубных складок до веера мелких морщинок вокруг глаз – сидел вчерашний дьявол.

Это оказалось выше ее сил. Нэнси опустилась на колени, продолжая упираться лбом в зеркало, и тихонько заплакала. Выхода нет. Надо заканчивать с этим дерьмом и честно признаться себе – Великой Актрисы из нее не получилось.

Нэнси оторвала голову от зеркала, ненавидяще посмотрела на свое отражение и сильно ударила себя по щеке.

– Ты – позорная неудачница, – сказала она своему отражению.

Никто не запротестовал, никто не хлопнул ее по плечу и не сказал, – «соберись, детка, сегодня просто тяжелый день, а завтра, завтра все будет хорошо». Нэнси зажмурилась и еще раз стукнула себя по щеке:

– Ты – позорная неудачница, – повторила она, не открывая глаз, – на что ты вообще надеялась, дура?

Она вновь подняла правую руку, но ударить не успела, – неожиданно зазвонил телефон. Нэнси не ждала никаких звонков. Разве что мать опять позвонит, чтобы рассказать о Мардж, в прошлой жизни однокласснице Нэнси, а нынче – толстой клуше, матери троих страдающих ожирением отпрысков. Слушать о Мардж и в обычные дни было не очень приятно, а сегодня... Нэнси пожалела, что не придумали еще как убивать людей через телефон. Сегодня она бы с удовольствием воспользовалась таким изобретением.

Звонящий оказался очень упорным, – автоответчик включался после десятого сигнала, и человек дождался включения. Телефон щелкнул, на дисплее появилось улыбающееся лицо Нэнси:

– Привет, – зазвучал ее голос, – вы звоните в апартаменты Нэнси Вайз. Я не могу подойти, но Вы можете оставить сообщение.

Лицо Нэнси исчезло, на экране появился незнакомый мужчина, брюнет с мелкими неприятными чертами лица. Нэнси заинтересовалась и даже перестала плакать. Мужчина широко улыбнулся и радостно объявил:

– Здравствуйте, мисс Вайз. Вы меня, наверное, не запомнили, – он улыбнулся еще шире и уточнил, – мы познакомились вчера, в баре «Подруга Пеликана»...

Нэнси закрыла глаза. Бар «Подруга Пеликана» был очень популярен в определенных кругах. Да и сама популярность была, мягко говоря, особого рода. Это было не то место, где ищут спутников для серьезных отношений или ищут надежных партнеров по бизнесу.

«Отношения», которые можно было (причем без особого труда) найти в «Подруге Пеликана», не длились дольше одной ночи. И это – в лучшем случае, в худшем – такие «отношения» начинались и заканчивались в кабинках туалета и уже через полчаса люди, вступившие в «отношения», не узнавали друг друга. Впрочем, есть довольно много людей, которых устраивает такой тип «отношений», одних – в силу

личной неразборчивости, других – просто потому, что они выросли в такой среде и не представляют, что можно общаться иначе.

Что же до партнеров по бизнесу... Деловые переговоры велись в «Подруге Пеликана» каждый вечер: кто-то предлагал товар, кто-то хотел товар приобрести. Ассортимент предлагаемого товара был разнообразным, общим была лишь его незаконность с точки зрения сотрудников управления по борьбе с распространением наркотиков.

Что же она вчера вытворяла в «Подруге Пеликана»? И кто этот тип? Обида на судьбу как-то быстро улетучилась. Да, она не Скарлетт Йоханссон, но, по крайней мере, она на свободе. А если этот мужик как раз и работает в управлении по борьбе с наркотиками? И вчера они застучали Нэнси в момент приобретения чудо-таблеток...

Нет, такого быть не может. Если бы они взяли ее с поличным, сегодня она проснулась бы в тюрьме, а не дома. Нэнси встряхнула головой и попыталась понять, что говорит незнакомец. Вроде, он представился в самом начале, но она не запомнила, как его зовут.

– Я бы очень просил вас, мисс Вайз, – закончил свою речь улыбчивый мужчина, – чтобы вы перезвонили мне, когда сможете.

Он вежливо попрощался и отключился. Нэнси глубоко вздохнула. Нет, этот тип точно не легавый, не похож. Она попыталась встать, но вестибулярный аппарат дал сбой. При-

шлось ползти на четвереньках через всю гостиную. Добравшись до телефона, она растянулась на ковре, подождала, пока прекратится сердцебиение и дала самой себе клятву никогда в жизни больше не принимать наркотики. Чтобы дотянуться до кнопки play, Нэнси пришлось повернуться на бок. От этого несложного движения только было успокоившееся сердце опять стало настойчиво биться в грудную клетку. Она ткнула пальцем в нужную кнопку и с облегчением откинулась на спину. На дисплее вновь возник улыбочивый незнакомец и поздоровался. Первые две реплики (про «Подругу Пеликана») Нэнси пропустила, а вот с третьей стала слушать внимательно.

– ...Меня зовут Закария Виальдо, – сообщил незнакомец, – я вчера довез вас до дома. Вы сказали, что вы – актриса. Я навел справки. Думаю, что у меня есть проект, который может вас заинтересовать.

Он выдержал небольшую паузу и закончил:

– Я бы очень просил вас, мисс Вайз...

Дальше Нэнси не слушала. Проект, который может ее заинтересовать... Какой еще проект? Она больше не связывается ни с какими проектами, хватит. Что может предложить этот тип... Как его там, Закария Виальдо... Кто он, черт побери, этот Закария... Торговец наркотиками? На ту мелкую шушеру, которая отирается в «Подруге Пеликана», не похож. Зато он вполне может оказаться поставщиком рангом чуть повыше. И Нэнси ему интересна только в качестве оче-

редного распространителя сомнительного товара. Придется огорчить мистера Виальдо, она с этим бизнесом никогда не связывалась, и не собирается связываться впредь. Самое правильное – вообще ему не звонить. Наверняка он вчера взял номер телефона не только у Нэнси...

Мысленно послав супервежливого Закарию Виальдо ко всем чертям, Нэнси подтянула к себе кресло и, хотя и с большим трудом, но сумела встать. Голова кружилась, сердце опять изображало «пойманную птичку», а еще очень хотелось пить. Нэнси сделала шаг в сторону кухни, ноги слушались плохо. Второй шаг оказался неожиданно широким, в глазах потемнело... Нэнси больно ударилась правым плечом об стену и поклялась пожертвовать небольшую сумму клинике, в которой лечат наркоманов.

Неожиданно ей опять захотелось плакать. Тот паренек, что вчера продал ей таблетки, много и убедительно рассказывал, какой кайф она получит, но ни словом не обмолвился, что наутро будет такой отходняк.

Так, по стеночке, периодически останавливаясь, чтобы поплакать, она добралась до кухни. Бутылка с минералкой была наполовину пуста. Нэнси открутила крышку, попыталась налить себе воды...

Большая часть воды вылилась на пол, в стакан попало совсем немного. Нет, пожалуй, лучше из горлышка... Она сделала несколько больших глотков, желудок немедленно отозвался острой болью, ее вывернуло. К сожалению, она не

успела нагнуться, поэтому часть вчерашнего ужина оказалась на столе, где, – о, ужас, – лежал открытый ноутбук. Не хватало еще испортить ноут. Нэнси, рыдая, оторвала кусок бумажного полотенца и попыталась протереть заляпанную блевотиной клавиатуру.

Ну, вроде все... Надо только проверить, не испортилась ли клавиатура. Нэнси включила компьютер и практически машинально набрала в поисковой строке «Закария Виальдо» в полной уверенности, что никакой информации об этом типе в сети нет.

К ее удивлению, на это словосочетание выпало множество ссылок. И ни одна из них не была связана с торговлей наркотиками или живым товаром. Первые четыре страницы вводили на сайт организации Save Soul «СС», мистер Виальдо был активным действующим членом организации, его имя регулярно появлялось в их новостной ленте. Новость, датированная позавчерашним числом, сообщала читателям, что мистер Закария Виальдо и мистер Эндрю Николаенко продюсируют новый фильм.

Нэнси рванула в ванную, десять минут контрастного душа привели сознание в относительный порядок. Однако даже беглый взгляд в зеркало убедил, что тело и, что более важно, лицо, еще очень далеки от совершенства. Совершенно очевидно, что звонить потенциальному работодателю мистери Виальдо пока нельзя. Вчера он видел ее в полумраке ночного клуба. Видимо, она произвела на него неплохое впечат-

ление, раз он взял ее координаты и на следующий день перезвонил. Возможно, что за это время он успел заглянуть в портфолио. Там тоже хорошие фотографии, Нэнси долго выбирала их вместе со своим агентом. Странно! Кстати, странно, почему этот мистер Закария связался с ней сам. Ведь должен был позвонить Майкл, ее агент??

Нэнси вернулась на кухню, достала из холодильника целую бутылку минеральной воды, открыла (руки уже почти совсем не дрожали) и налила в стакан. В голове прояснилось настолько, что эйфория по поводу неожиданной удачи сменилась привычным неверием. В первую очередь неверием в свою счастливую звезду. В самом деле, с чего она взяла, что мистер Виальдо собирается пригласить ее в новый проект. Но позвонить, конечно же, нужно. Хотя бы просто из любопытства. Нэнси взглянула на часы, почти девять вечера, этот день точно вырван из жизни. Она еще раз посмотрелась в зеркало, потом приглушила в комнате свет и решительно набрала номер мистера Виальдо.

Глава VI. Стэйси Ковальчик

Стэйси Ковальчик хотела стать психологом и ненавидела Мерилин Монро. В самом факте, что молодая девушка хочет стать психологом, нет ничего необычайного. Но, согласитесь, если вы видите блондинку с аккуратным маленьким носиком и пухлым ртом, если, к тому же, у блондинки неплохая фигурка и пышный бюст, последнее, о чем вы подумаете, будет психология.

Вот именно поэтому Стэйси Ковальчик ненавидела Мерилин Монро. Стэйси была уверена, что именно мисс Монро если не лишила тысячи девушек возможности реализовать свои мечты, то, по крайней мере, сделала путь к мечте максимально сложным.

Толстые уродки могли спокойно учиться в школе на отлично, затем поступать в университеты, и это было *нормально* в глазах окружающих. Гораздо сложнее было блондинкам. Хорошеньким блондинкам, похожим на Мерилин Монро в самом начале карьеры, времен «Асфальтовых джунглей» и «Все о Еве». Почему-то по умолчанию считалось, что такие девушки обязаны мечтать только и исключительно о карьере в кино.

А еще Стэйси ненавидела свое имя. Ее мать, восторженная дурочка с куриными мозгами, обожала Мерилин. Кроме того, мать интересовалась нумерологией, астрологий, ма-

гией имен, в общем, стандартным набором увлечений женщины, которую муж бросил сразу после рождения дочери. Стэйси была уверена, что отец просто не вынес пика материнской глупости, выразившейся в том, что она назвала новорожденную дочку Стэйси. Если кто не в курсе, то у знаменитой «Душечки» из знаменитого фильма «Некоторые любят погорячее» кроме прозвища было еще и имя. Мерилин произнесла его в фильме всего один раз, во время разговора с «контрабасисткой Дафной». Однако мать увидела в этом знак судьбы. Как вы уже, наверное, догадались, Душечку звали Стэйси Ковальчик.

Хорошо, что об этом знали немногие. Плохо, что об этом знала сама Стэйси. И даже если бы она захотела об этом забыть, то мать бы не позволила. В результате вместо дополнительных занятий по математике и биологии Стэйси приходилось ходить на уроки танцев и пластики. Миссис Ковальчик всерьез задалась целью сделать из дочери секс символ XXI века. Ее не смущал печальный конец секс символа века XX-го.

Во время родительских собраний миссис Ковальчик всякий раз упоминала внешность дочери и ее сходство с Мерилин Монро. А какой скандал она закатила, когда роль Бланш в спектакле «Трамвай Желание» отдали не Стэйси, а другой девочке. Стэйси предложили сыграть Стеллу. Узнав об этом, Миссис Ковальчик отправилась к директору и поставила ультиматум: или роль Бланш отдадут Стэйси, или ее дочь

вообще не будет принимать участия в постановке. Директор в ответ сказал, что понимает чувства миссис Ковальчик и что ему, директору, очень жаль, что такая хорошая и, безусловно, талантливая девочка как Стэйси не примет участия в спектакле.

Все закончилось очень плохо. Вечером того же дня мама Стэйси подала заявление о переводе дочери в другую школу. И это за полгода до окончания. Стэйси плакала, пыталась с ней поговорить, но миссис Ковальчик временами могла быть очень упрямой.

– Дорогая, не позволяй никому так с собой обращаться, – ответила она дочери в ответ на ее просьбы, – Если они тебя не ценят, значит, они не достойны твоего общества.

В новой школе Стэйси было плохо. Она так ни с кем и не подружилась. Даже на выпускной она пришла только на торжественную часть. На вечеринку ее не пригласили.

Через три дня после окончания школы Стэйси Ковальчик объявила матери, что скоро уедет в Нью-Йорк, поступать на курсы актерского мастерства. Это была легенда. На самом деле Стэйси тайком от матери написала тесты, которые были отправлены в указанные ей колледжи. Она не собиралась идти «в актрисы», Стэйси Ковальчик мечтала выучиться на психолога.

Теперь она каждый день заводила будильник на 7 утра, чтобы первой вынуть почту. День, когда пришел ответ из колледжа, был днем крушения надежд, днем полного пора-

жения.

Узнав результаты, Стэйси долго бродила по улицам, периодически заходя в Starbucks. После полутора литров кофе она приняла решение.

Через три дня Стэйси Ковальчик уехала в Нью-Йорк. Ни на какие актерские курсы она не пошла, но через две недели, в очередной раз позвонив домой, сказала матери, что ее приняли. Миссис Ковальчик заявила, что она даже не сомневалась в этом и еще раз повторила, что Стэйси непременно станет Мэрилин XXI века.

Стэйси твердо пообещала приезжать домой на каникулы и сразу же сообщить, как только ее пригласят сниматься.

Теперь нужно было как-то решить несколько вопросов. Первый, самый главный, – с квартирой, та, которую сняла Стэйси, была дороговата. Дней пять – шесть еще можно в ней пожить, но не больше. Больше ее бюджет просто не выдержит. Второй вопрос – курсы гештальт терапии. Она наткнулась на них случайно, зашла, заинтересовалась. Практикующим психологом она после курсов не станет, но зато это хорошая возможность разобраться в себе и понять, хочется ли ей на самом деле заниматься психологией или это всего лишь протест против желания матери. И третий вопрос – работа. Курсы стоят денег, квартира стоит денег, да и на развлечения тоже нужны деньги. Ведь жизнь не сводится только к учебе.

Поиски квартиры она начала на следующее утро. На са-

мом популярном риэлторском сайте было целых шесть страниц предложений по сдаче квартир. Однако после того как Стэйси отфильтровала их по районам и цене, подходящих вариантов осталось всего три. Стэйси позвонила по указанным телефонам, две из трех оказались уже сданы. Остался третий вариант, который нравился ей гораздо меньше, в квартире уже жила девушка, которая искала компаньонку, чтобы делить расходы пополам.

Стэйси набрала номер, в глубине души надеясь, что и этот вариант уже сдан, она плохо представляла себе, как это – жить в одной квартире с совершенно незнакомым человеком, пользоваться одной ванной, туалетом, кухней. Стэйси, в общем, сама не отличалась большой аккуратностью, но вдруг эта, – она еще раз перечитала объявление, – эта Мардж окажется совсем грязнулей.

Квартира еще сдавалась, голос у Мардж был приятным, а речь довольно правильной. Стэйси договорилась, что подъедет к вечеру – посмотреть жильё.

Район оказался не самым лучшим, но и не откровенно криминальным. Искомая квартира располагалась на первом этаже длинного двухэтажного здания. Стэйси взглянула на часы, было ровно восемь, и позвонила в дверь. Минуты три никто не открывал. Стэйси достала из кармана листок, где был записан адрес, все правильно. И время тоже, восемь вечера. Девушка, разговаривавшая с ней по телефону (Стэйси очень надеялась, что разговаривала с ней именно Мардж, а

не посредник), подчеркнула, что раньше восьми никого не будет. Для очистки совести Стэйси еще раз нажала на кнопку звонка и прислушалась, из-за дверей не доносилось ни звука. «Не судьба», – подумала Стэйси и ошиблась.

– Это вы звонили сегодня насчет квартиры? – некто, подошедший совершенно бесшумно, выдохнул фразу ей в затылок.

– Я звонила, – сразу же сообразила Стэйси и повернулась лицом к собеседнику, – вы – Мардж?

Стоявшая ступенькой ниже девушка кивнула и вытащила из сумки ключ.

– Проходите...

Квартира оказалась небольшая, но довольно уютная. Гостиная, объединенная с кухней, полтора санузла. Мардж открыла дверь слева:

– Вот, если подходит, то это будет твоя спальня.

Стэйси вошла в комнату. Вполне прилично. Кровать, в стене встроенный шкаф, у окна стол.

– Я согласна. Когда я могу переехать?

– Да хоть завтра, – пожала плечами Мардж, – условия такие, все расходы, электричество, вода пополам. Я работаю секретарем в... В одной общественной организации. Бывает, прихожу домой поздно. Насчет вечеринок. Я их не устраиваю и очень хотела бы, чтобы тот, кто поселится здесь, придерживался бы такой же точки зрения.

Мардж, не дождавшись ответа, ушла на кухню и оттуда

крикнула:

– Кофе хочешь?

– Да, спасибо, – ответила Стэйси, подошла к шкафу и раздвинула дверцы.

Вместительный. Сверху полка для коробок, два вешала...

Пожалуй, ей здесь нравится.

– Кофе готов, – позвала Мардж.

Стэйси быстро закрыла шкаф и вышла из комнаты.

Мардж уже сидела за столом и помешивала ложечкой кофе.

– Садись, – кивнула она, – ты где работаешь?

– Пока нигде, – призналась Стэйси.

Мардж слегка нахмурилась, видимо, усомнилась в платежеспособности своей новой компаньонки. Стэйси поняла, что сейчас ей вполне могут отказать в сдаче квартиры и быстро добавила:

– Завтра иду устраиваться.

Мардж продолжала хмуриться, похоже, не поверила.

Стэйси решила развить тему:

– Я уже была там на собеседовании, – соврала она, – и они готовы меня взять.

Мардж допила кофе и отодвинула чашку:

– Вносишь задаток за два месяца, – сказала она, – думаю, что ты все врешь насчет работы, но если у тебя есть деньги оплатить свою долю, то два месяца можешь здесь жить.

Стэйси прикинула, что двухмесячный арендный взнос практически истощит ее финансы. Но рискнуть стоит.

Неужели за два месяца она не найдет себе работу? Стэйси, в свою очередь, отодвинула чашку и сказала:

– Завтра приеду с вещами и деньгами.

Так она и сделала. Денег хватило, чтобы оплатить 2 месяца аренды и месяц занятий гештальт терапией. Через неделю Стэйси убедилась, что здешние работодатели вовсе не горят желанием брать на работу вчерашнюю школьницу. Она не претендовала на высокие должности, но даже на вакансию «девушки на ресепшн» требовалась определенная скорость набора текстов. Стэйси такую скорость показать не смогла, и HR-менеджер вежливо объяснил ей, что она не проходит на эту позицию.

Так прошло три недели. Каждое утро Мардж уходила на работу в свою «общественную организацию», а Стэйси, дождавшись, когда за ней захлопнется дверь, быстро вскакивала, выпивала чашку кофе и бежала сначала на занятия по гештальт терапии, а потом, наскоро перекусив в ближайшем фаст-фуде, шла на очередные собеседования. И получала очередной отказ.

– Вы понимаете, – вежливо объясняли ей менеджеры по персоналу, – после стольких лет кризиса люди с приличными дипломами не могут найти себе место. Вот, – менеджеры показывали Стэйси толстые пачки резюме, – из них треть закончила Гарвард, и то не могут устроиться...

Стэйси отвечала, что не претендует на те же позиции, что и люди, закончившие Гарвард, что она готова рассматривать

предложения попроще.

В ответ менеджеры закатывали глаза и показывали еще более толстые пачки резюме: тех, кто, подобно Стэйси, был согласен на «предложения попроще». Выходило, что таким как мисс Ковальчик, места под солнцем нет вообще.

Домой она старалась вернуться попозже, чтобы Мардж уже наверняка не сидела в гостиной с планшетом в руках. Не хотелось в очередной раз отвечать на ее вопросы.

В тот день секретарь курсов напомнила Стэйси, что подошел срок оплаты за следующий месяц. Стэйси пообещала завтра же принести деньги и быстро ушла. Проблема заключалась в том, что даже если она откажется от обедов, оставшихся денег не хватит на оплату курсов. Оставалось одно, – честно признаться Мардж, что с работой ничего не получается, забрать аванс за квартиру, купить билет на автобус и... вернуться домой. Что будет, когда она вернется (если она вернется – мысленно поправила себя Стэйси), что скажет мать, об этом лучше не думать, иначе может не хватить мужества для нелегкого разговора с Мардж.

Окна в гостиной горели, значит, Мардж еще не легла спать. Стэйси решительно открыла дверь, вошла и встала на пороге как статуя Командора.

Работал телевизор, на экране Джек Леммон в женском платье отплясывал с маракасами. На диване сидела Мардж с бокалом вина, а в кресле незнакомый мужчина средних лет с мелкими и очень неприятными чертами лица.

– Извините, – сказала Стэйси и пошла в свою комнату.

Просить у Мардж денег взаймы в присутствии постороннего – не самая лучшая идея.

– Подожди, – окликнула ее Мардж, – я хочу тебя познакомиться. Это мой коллега Закария Виальдо.

Мистер Виальдо встал (он оказался из той категории людей, которые сидя выглядят выше, чем стоя) и протянул Стэйси руку.

– Маргарет много о вас рассказывала, – Закария Виальдо улыбнулся, но лицо его от этого не стало менее неприятным.

Стэйси автоматически пожала ему руку и чуть не спросила, кто такая Маргарет.

– Присаживайтесь, – мистер Виальдо опустился на диван и жестом пригласил Стэйси сесть рядом.

– Маргарет рассказывала, что вы сейчас ищете работу, – продолжил допрос мистер Виальдо.

«Вот зараза», – в первый раз за все это время Стэйси подумала о своей компаньонке с неприязнью, – «Кто, спрашивается, ее за язык тянул?»

– Нашли уже? – мистер Виальдо кивнул Мардж, та принесла из кухни еще один бокал и наполнила его вином.

– Пока нет, – Стэйси немного отпила из бокала и поставила его на журнальный столик.

Если мистер Виальдо ждет от нее подробностей, то ждет он их совершенно напрасно. Она, Стэйси Ковальчик, конечно, хотела поговорить о своих проблемах, но поговорить с

Мардж, а не с каким-то незнакомым мужиком.

– Извините, – Стэйси решительно встала, – если вы не возражаете, я пойду к себе. Сегодня был очень утомительный день.

– Вам когда-нибудь говорили, что вы очень похожи на Мэрилин Монро? – неожиданно спросил мистер Виальдо.

– Нет, никогда, – сухо ответила Стэйси и, еще раз извинившись, ушла к себе.

Закрыв за собой дверь, она села на пол и заплакала. Бывают же на свете такие неудачницы. Такие как она, Стэйси Ковальчик. А все потому, что у нее дурацкое имя. Кто говорил, что имя определяет судьбу? Стэйси всегда смеялась над этими глупостями. Она не верила в гадания, черных кошек, разбитые зеркала. Но в последнее время все складывается так плохо, что поневоле задумаешься, может, есть в именах смысл. Слезы, как это обычно бывает, вызвали сопли. Сморгаться в пол Стэйси посчитала неприличным. Пришлось подняться и достать из комода носовые платки.

Высморкавшись, Стэйси мельком взглянула в висевшее над комодом зеркало. Да, имя определяет. Кто будет всерьез воспринимать девушку, которую зовут как Душечку из фильма «Некоторые любят погорячее»? Какие предложения о работе ей могут поступить? Если иметь в виду *серьезные* предложения?

В дверь постучали. Стэйси замерла, общаться с Мардж категорически не хотелось. Даже если та собирается пред-

ложить ей деньги. Свет погашен, пусть думает, что Стэйси спит.

– Я знаю, что ты не спишь, – раздался голос Мардж.

Стэйси затаилась в надежде, что Мардж уйдет, но та не ушла.

– Конечно, это твое право не открывать мне дверь, – продолжила она, – это твоя комната, она оплачена. Ты можешь не открывать ее еще месяц. Но я очень советую тебе подумать, что ты будешь делать потом. Насколько я понимаю, деньги у тебя заканчиваются...

Мардж замолчала, но не ушла, и вот это ее молчаливое стояние за дверью почему-то очень напугало Стэйси. Конечно, надо бы открыть дверь. Если Мардж обидится, она вряд ли даст денег на билет домой... Стэйси подошла и открыла дверь.

– Проходи.

Мардж кивнула, одобряя ее решение, вошла и бесцеремонно села на кровать.

– Мне показалось, или ты хотела со мной поговорить сегодня? – поинтересовалась Мардж.

Стэйси кивнула:

– Да, хотела, но...

О, перебила ее Мардж, – при Заке ты могла говорить совершенно свободно. Он как раз из-за тебя сюда пришел.

Стэйси страшно удивилась. Понятно, что Мардж могла сказать коллегам, что теперь живет не одна. Вот только чем

Стэйси могла заинтересовать Зака. А то он никогда в жизни не видел провинциальных девиц, приехавших в большой город. Разве что его развеселило ее дурацкое имя. Словно отвечая на незаданные вопросы, Мардж пояснила:

– Я сказала, что моя компаньонка как две капли воды похожа на Мерилин Монро. А Зак – он продюсер. И сейчас начинает новый проект...

Поздно ночью Стэйси сидела за компьютером и писала письмо домой.

«Знаешь, мама, не думала, что когда-нибудь скажу тебе это... Но ты была права. От судьбы не уйдешь. Сегодня меня пригласили попробоваться на главную роль в новом фильме продюсера Зака Виальдо...»

Глава VII. Лю Фонг

Лю Фонгу не нравилось, когда его называли мистером Лю Фонгогом (справедливости ради нужно отметить, что называли его так крайне редко, – в силу молодого возраста мистера Лю). Правда, сколько он себя помнил, ему вообще много чего в этой жизни не нравилось.

Например, он терпеть не мог гонконговские боевики, воспевающие подвиги Шаолиньских монахов. В жизни Лю Фонга (в той ее части, которую он успел прожить до сегодняшнего дня) можно было четко различить три неравных периода. Первый период – детство – умеренно несчастливый. Второй период – отрочество – почти счастливый, лишь слегка омраченный обстановкой дома. Третий период – он начался относительно недавно, несколько месяцев назад, но Лю Фонгу уже хотелось, чтобы этот период побыстрее закончился. Но, увы, никто не мог сказать, когда и, главное, как это может закончиться. Умеренная несчастливость детства казалась теперь безоблачным счастьем по сравнению с текущим моментом.

Когда мистер Лю Фонг был еще маленьким мальчиком, у него всегда (ну, или почти всегда) было плохое настроение. Плохое настроение создавали бесконечно ссорившиеся родители. Повод для ссоры всегда был один – мистер Лю Фонг и его блестящее будущее. Дело в том, что мистер и миссис

Фонг очень по-разному представляли себе это блестящее будущее.

Миссис Фонг была голубоглазой высокой блондинкой, до замужества она носила фамилию Мур, увлекалась бальными танцами и восточными единоборствами. В домашней видеотеке будущей миссис Фонг, которую тогда звали просто Хлоди, были все фильмы с легендарным Брюсом Ли, не менее легендарным Джеки Чаном, а также огромное количество третьесортных боевиков, где brave Шаолиньские монахи одним ударом ноги разгоняли толпу мерзких злодеев, посмевших нарушить покой знаменитого монастыря. Но, увы, эти brave ребята существовали только на экране. В жизни же Хлоди Мур приходилось общаться с какими-то хлюпиками, не способными разбить ребром ладони хотя бы один кирпич. После окончания школы Хлоди поступила в колледж. Однажды соседка по комнате пригласила Хлоди на вечеринку, где, по ее словам, ожидалась «куча классных парней». Одним из них и оказался Майкл Фонг, невысокий застенчивый китаец в очках. Хлоди сообразила, что это шанс. Она некоторое время понаблюдала за «шансом» и поняла, что если не взять инициативу в свои руки, Майкл Фонг никогда в жизни не решится подойти знакомиться. Это, конечно, немного не сочеталось с образом неустрашимого Шаолиньского бойца, но Хлоди, успевшая выпить две «маргариты», убедила себя, что застенчивость Майкла напускная. Главные герои гонконгских боевиков в начале фильма тоже выглядели за-

стенчивыми. До появления первых врагов.

Хлоди быстро сделала два коктейля «мохито» и, проходя мимо Майкла, как бы случайно задела его плечом. План сработал, Майкл ее заметил.

– Привет, – улыбнулась она, – меня зовут Хлоди... Хочешь «мохито»?

В тот же вечер Майкл оказался в постели Хлоди (именно Хлоди была инициатором, а Майкл... Майкл не смог противостоять ее натиску). Через два месяца они поженились, и тут Хлоди ждало неприятное открытие: ее новоиспеченный супруг не только никогда в жизни не занимался восточными единоборствами, но питал отвращение к подобным видам спорта, а заодно и к фильмам, освещающим исключительно эти грани национального характера.

Но это оказалось не самым страшным. За два месяца встреч (2 раза в кино, три раза кофейня, а все остальное – секс, секс и еще раз секс) Хлоди не удосужилась поинтересоваться, чем зарабатывает себе на жизнь потенциальный супруг. Конечно, на такое счастье, как инструктор по восточным единоборствам она не надеялась (у инструкторов обычно на стенах висели фотографии убеленных сединами старцев в широких черных шароварах, а также групповые фотографии сидящих на пятках мужчин в белых кимоно). В квартире Майкла ни одной такой фотографии не было, зато была гравюра, изображавшая очень некрасивого мужчину с длинным носом. Мужчина носил длинные волосы до плеч, одно

плечо у него было выше другого. Он явно не был родственником Майкла, ничего азиатского в его внешности не было. Типичный, хотя и донельзя безобразный представитель европеоидной расы.

Личность мужчины установилась в процессе первой семейной ссоры, произошедшей буквально на следующий день после весьма скромного бракосочетания (ни родителей Майкла, проживающих в Китае, ни родителей Хлоди, не одоббивших выбор дочери, на церемонии не было). Когда утром молодой супруг стал собираться на работу, Хлоди решила поиграть в примерную жену. Пока Майкл принимал душ, она сварила кофе и поджарила парочку тостов. Майкл копошился в ванной довольно долго, потом, не заходя на кухню, прошел в спальню, Хлоди услышала звук открывающейся двери шкафа.

– Милый, – позвала она, – иди завтракать.

Милый не отозвался и Хлоди пошла посмотреть, чем он там занимается. Майкл стоял перед зеркалом, полностью одетый, а в руках у него был футляр.

– Это что такое? – удивилась Хлоди.

– Скрипка, – улыбнулся муж.

– Что? – ей показалось, что она ослышалась.

– Скрипка, – терпеливо повторил Майкл, – я играю в оркестре... Первую скрипку...

– Не может быть!

Видимо Хлоди сильно изменилась в лице, потому что

Майкл перестал улыбаться, положил свой дурацкий футляр и бросился к ней:

– Дорогая, что с тобой?

– Ты что, скрипач? – прошипела Хлоди, с ненавистью глядя на мужа, – Почему ты не сказал мне об этом раньше?

– Дорогая, – удивился Майкл, – ты не спрашивала, чем я занимаюсь...

– Я думала, – Хлоди потихоньку приходила в себя, растерянность куда-то подевалась, зато появилось и окрепло чувство, что ее обманули, – я думала ты настоящий...

– Я настоящий, – растерялся Майкл, не понимая, как он должен доказывать жене свою «настоящность».

– А... А как же... – негодующая Хлоди с трудом подбирала слова, – ты же китаец, ты должен любить восточные единоборства. Как же слава Шаолиня?

– Какая глупость, – поморщился Майкл, – ты пересмотрела этих дурацких фильмов. Я никогда не понимал, что людям нравится в подобных поделках.

– Ты, ты... – Хлоди запнулась, а потом выдохнула как ругательство, – ты – скрипач!

Ну, да, – согласился он, – я музыкант, учился в консерватории. Почему тебя это так удивляет?

Тут Хлоди вспомнила про портрет уродливого мужчины.

– А это тогда кто такой? – указательным пальцем она ткнула в гравюру.

– Это великий скрипач Никколо Паганини, он мой кумир.

Я хочу стать таким же великим скрипачом, каким был он – ответил Майкл и добавил, – извини, дорогая, но мне пора на репетицию.

Остаток дня Хлоди плакала и злилась. Попеременно. Первый порыв, после того как за Майклом захлопнулась дверь, пойти развестись. Но тут позвонила мать, пришлось взять себя в руки и, улыбаясь сквозь слезы, рассказывать, как замечательно прошел вчерашний вечер и как она, Хлоди, счастлива. Видимо, что-то в голосе Хлоди насторожило миссис Мур, она еще довольно долго задавала провокационные вопросы, пытаясь вывести дочь на чистую воду. Но Хлоди стояла насмерть. Когда примерно через полчаса ей удалось, наконец, попрощаться с мамой и отключить телефон, мысль о разводе с Майклом Фонгом отступила далеко на задний план. В самом деле, нельзя же доставить матери такое удовольствие, развестись сразу же после свадьбы. Это гарантирует десятилетия разговоров на тему «а-я-же-тебя-предупреждала». К вечеру Хлоди почти успокоилась и продумала план дальнейшей жизни. На полтора года семейное счастье Фонгов было спасено. А через полтора года у них родился сын, и конфликт разгорелся с новой силой.

Майкл хотел назвать мальчика Джеффри, Хлоди, которая к тому времени бросила работу (неожиданно оказалось, что музыканту симфонического оркестра неплохо платят), настаивала на «настоящем китайском имени». Майкл крутил у виска пальцем и говорил, что не желает, чтобы у его ребенка

были проблемы с адаптацией в среде сверстников. Хлоди в ответ на это начинала рыдать и обвиняла Майкла в том, что он уделяет ей мало внимания (это было горькой правдой, оркестр Майкла практически постоянно был на гастролях, поэтому дома мистер Фонг появлялся не чаще, чем какой-нибудь рядовой коммивояжер). Майкл, так и не приобретший за полтора года совместной жизни хоть сколько-нибудь решительности, терялся, быстро уходил в гостиную, брал в руки скрипку и начинал играть. До тех пор пока не появлялась Хлоди с истерическим криком «да когда ты перестанешь мне нервы мотать этим визгом».

Через два дня мистер Фонг с большим облегчением уехал в очередное турне. Фонг младший на момент отъезда оставался безымянным. В разговорах между собой и в телефонных беседах с родителями миссис и мистер Фонг называли его просто «мальчик». Уже стоя в дверях, Майкл Фонг робко выразил надежду, что к его возвращению у мальчика будет имя. Хлоди пообещала, что непременно будет. Свое слово она сдержала. Боинг, уносящий мистера Фонга в Европу, еще не оторвался от земли, а Фонг младший уже был записан в метрических книгах как Лю Фонг.

Хлоди, за два месяца многократно отрепетировавшая все реплики будущего скандала, была разочарована. Майкл вернулся из Европы притихшим и умиротворенным. Узнав, что сына назвали Лю, он вздохнул и... больше не возвращался к этой теме.

Поводов разводиться с мужем у миссис Фонг опять не было. В состоянии «худого мира» семья просуществовала еще почти шесть лет. Причиной очередного семейного кризиса (пришедшегося, как и положено, на седьмой год существования семьи) опять стал маленький Лю Фонг.

Хлуди оказалась довольно безалаберной матерью. И не потому, что она не любила сына. Просто слишком много времени и сил отнимала у нее ненависть к мужу. За семь лет брака она ухитрилась убедить себя, что Майкл обманул ее в самом начале их отношений, что если бы он сразу сказал правду о своей профессии, она никогда, никогда бы не согласилась на этот брак.

Человеческая память причудлива. Она иногда отсекает неприятные воспоминания, чтобы сберечь нашу психику, иногда, напротив, помнит только неприятности и беды. Из памяти Хлуди совершенно стерся тот факт, что она за все время досвадебного знакомства сама ни разу не поинтересовалась профессией Майкла. А если говорить честно, то и вообще старалась, чтобы у него не было времени опомниться и подумать. Частые гастроли Майкла ожесточали ее все больше и больше. Теперь она разыгрывала перед немногочисленными приятельницами роль несчастной жены, до которой мужу дела нет. Все звонки и письма Майкла (а писал он супруге ежедневно) коллективно обсуждались в тот же день. В интонациях искали недосказанное, в письмах между строк вычитывался скрытый смысл. За всеми этими ин-

тересными делами заниматься воспитанием маленького Лю совершенно не было времени. Его ровесники лепили куличи в песочнице, потом шли на развивающие курсы, на первые спортивные, танцевальные, хоровые, театральные кружки; Лю целыми днями сидел у телевизора, переключая каналы. Хлоди это вполне устраивало, она лишь изредка заглядывала в комнату сына, чтобы убедиться, не включил ли он случайно платный канал «для взрослых». Но мальчика не интересовали каналы для взрослых. Лю смотрел мультики, но после того, как в один из приездов Майкл обнаружил, что сын большую часть времени проводит, уставившись в экран, Майкл подписался на канал «классика для всех». По этому поводу Хлоди устроила очередной скандал, заявив, что «с нее хватит мерзкого пиликанья» (под «мерзким пиликаньем» подразумевались редкие домашние репетиции Майкла, именно по этой причине он предпочитал репетировать вне дома). Неожиданно для нее Майкл, обычно уступавший жене по причине нелюбви к ссорам, в этом вопросе встал насмерть.

– Ты хочешь, чтобы твой сын вырос таким же ботаником и неудачником как ты сам, – вопила Хлоди, не стесняясь присутствия Лю (насчет неудачливости она, конечно, сильно лукавила, Майкл играл в лучшем симфоническом оркестре страны).

– Я хочу, чтобы мой сын научился понимать прекрасное, – твердо ответил Майкл, – а если ты будешь этому препятство-

вать, я буду брать его с собой на гастроли. Ты же все время твердишь, что ребенок нарушил твои карьерные планы... Вот у тебя появится реальная возможность наверстать упущенное.

Хлоди открыла рот и... ничего не сказала.

Через две недели Майкл опять должен был ехать на гастроли. Хлоди притихла и с мужем не ссорилась, боялась, что он предпримет какие-нибудь шаги. Чуть ли не впервые за много лет Лю ходил гулять вместе с отцом. Каждый день они бегали в парке, потом Лю качался на качелях, а потом они покупали мороженое и шли к пруду, смотреть на золотых рыбок. Вернувшись домой, Лю по привычке хватал пульт и быстро пробежал по программам. Новый канал подключили за неделю до отъезда Майкла. Хлоди успела немного посмотреть его днем, убедилась, что показывают там «полную чушь», заблокировала все остальные каналы и теперь злобно ждала возвращения мужа и сына с прогулки.

Лю сбросил кроссовки у порога и, не помыв руки, побежал в свою комнату, привычно забрался с ногами в кресло и нажал кнопку на пульте. Вместо очередной серии о Супермене на экране появилось изображение кучи взрослых людей, держащих в руках странного вида предметы. Несколько человек, сидящих слева, держали скрипки, такие же, как у его отца. Названия остальных инструментов Лю не знал. Люди на экране кого-то ждали. Наконец откуда-то сбоку появился лохматый мужчина в странном пиджаке, очень коротком, с

двумя хвостиками сзади. Он был похож на смешную взъерошенную птицу. Мужчина быстро прошел между музыкантами, поднялся на небольшое возвышение и встал спиной к зрителям. Лю щелкнул пультом, канал не переключился.

– Мам, – обиженно крикнул Лю, – где мультики, мам? Сейчас должна быть серия про то, как Супермен спасает Лоис Лейн...

Хлоди ждала этого, она появилась в комнате сына и, изобразив на лице огорчение, ответила:

– Лю, папа запретил смотреть другие каналы. Теперь, сынок, ты будешь смотреть только это.

– Мама, но как же? – Лю почти плакал, – Лоис Лейн... Супермен в этой серии должен ее спасти... А я этого не увижу...

– Все вопросы к папе... – начала Хлоди, но тут...

Человек, стоящий спиной к зрителям, взмахнул палочкой...

Те, что сидели со скрипками в руках, положили их на плечо, так, как делал это папа Лю, и подняли смычки... Человек еще раз взмахнул палочкой, и зазвучала музыка. Хлоди предвкушала, что сын сейчас расплчется, потому что долго выносить «этот шум» нормальный человек просто не в состоянии. Но реакция Лю оказалась неожиданной, он перестал кукситься и замер в кресле, внимательно всматриваясь в экран. Оркестр продолжал играть.

Через две минуты Хлоди не выдержала:

– Сынок, – позвала она, – давай попросим папу включить нам про Супермена и Лоис Лейн.

Лю не реагировал. Он молча сидел перед телевизором и... прислушивался...

– Лю, – Хлоди почти кричала, – Лю, ты меня слышишь?

Прозвучал финальный аккорд, человек, стоящий спиной, осторожно положил палочку на листы бумаги, повернулся к зрителям лицом и поклонился. Пустили фонограмму аплодисментов. Маленький мальчик Лю Фонг, впервые в жизни услышавший Моцарта, несколько раз хлопнул в ладоши, а потом повернулся к матери.

– Да, мама, ты что-то сказала?

Хлоди молчала. Слов не было, она проиграла, ее сын никогда не станет неустрашимым «бойцом Шаолиня», потому что... потому что сыграли свою роль дурацкие гены папаши Майкла.

Она попыталась взять себя в руки:

– Так что, сынок, мы попросим папу разблокировать каналы, где Супермен спасает Лоис Лейн? – спросила Хлоди и совершенно не удивилась, когда сын помотал головой.

– Нет, мам, не сейчас, – и тут же, мгновенно забыв о Супермене, – ты слышала, мама, ты это слышала?

Лю кашлянул и запел приятным низким голосом:

– Ля-ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля...

– Вольфганг Амадей Моцарт, «Маленькая ночная серенада».

Хлоди оглянулась, в дверях стоял ее супруг.

– Это все ты, – прошипела она, – все ты...

На следующий день Майкл Фонг лично отвез Лю в музыкальную школу. Педагог, прослушавший Лю, отругал Майкла, что мальчика привезли так поздно.

– Вы же сами музыкант, – кипел негодованием профессор по сольфеджио, – уж кто-кто, а вы должны были понимать, что у мальчика талант. Я детей с таким слухом не видел уже Бог знает сколько времени...

Так мистер Лю Фонг поступил в музыкальную школу. Его успехи были столь разительны, что всякий раз после занятий, возвращая Лю матери, педагоги непременно отмечали, как повезло миссис Фонг с сыном. Любая мать была бы счастлива, любая, но не Хлоди Фонг. Похвалы учителей только злили ее. Она была почти уверена, что педагоги хвалят Лю нарочно, по просьбе мужа. А на самом деле Лю – совершенно обычный ребенок, который мог бы заняться чем-нибудь более подходящим для мальчика. Например, боевыми искусствами.

Года четыре Хлоди не сдавалась, подсовывала сыну свои любимейшие фильмы, в которых простые гонконгские паренки лихо справлялись с негодьями при помощи правой пятки. Сын, зевая, просматривал фильмы и отдавал диски обратно матери. На ее вопросы, не хочет ли он оставить фильм у себя, Лю всегда отвечал «нет». Постепенно Хлоди убедила себя, что все произошедшее, – результат тайного

заговора между мужем и сыном. Иного объяснения, почему мальчик, китайский мальчик столь равнодушен к подвигам бойцов Шаолиня, зато готов часами смотреть как толстый тенор протяжно выпевает «Cheleste Aida», иного объяснения этому феномену не было. Только заговор.

Когда Майкл приезжал с очередных гастролей, Лю тихонько жаловался ему на маму. Старший мистер Фонг гладил сына по голове и уговаривал не сердиться на маму, постараться ее понять.

– Но, папа, – возражал Лю, – я ей сколько раз объяснял, что не могу смотреть эти тупые фильмы, она не понимает.

Майкл вздыхал и говорил о том, что у каждого человека есть мечта. У твоей мамы была мечта вырастить чемпиона по каратэ. Но вышло так, что у тебя другие способности. Всегда обидно, когда мечта не сбывается.

– Папа, я могу пообещать маме, что стану самым лучшим в мире скрипачом. Она обязательно будет мной гордиться.

– Конечно, сынок, – улыбался мистер Фонг, а потом, поздно вечером, упрашивал жену проявлять хоть немного интереса к делам сына.

Хлоди долго выпендривалась, потом, нехотя, соглашалась. Оба знали, что она не сдержит данного слова, и в следующий приезд Майкла все повторится. Совместные походы к семейному психоаналитику также не приносили результатов. *Ощутимых* результатов. Однажды, после очень долгого и утомительного сеанса, во время которого Хлоди несколь-

ко раз порывалась закатить настоящую истерику, психоаналитик через свою помощницу передал мистеру Фонгу, что хотел бы переговорить с ним с глазу на глаз.

– Вы знаете, – сказал он Майклу, – было бы неплохо, если бы у вашей жены появилось какое-нибудь увлечение. Она не увлекается вышиванием? Плетением макраме? Изготовлением домиков из спичек?

Майкл печально покачал головой. Нет, ничем таким Хлоди Фонг не увлекалась.

– Вам стоит попробовать подыскать ей подходящее занятие, – произнес психоаналитик рекомендательным тоном.

– Видите ли, – огорчился Майкл, – я очень редко бываю дома (и не очень хочу бывать там чаще, – подумал он, но вслух этого произносить не стал). Может быть, доктор, все же какие-нибудь таблетки?

– Таблетки вряд ли помогут в вашем случае, – авторитетно заявил психоаналитик, – она, конечно, станет поспокойнее, но главная проблема останется. Ваша жена придумала себе вымышленный мир. Вы и ваш сын должны были стать главными действующими лицами, можно сказать, главными положительными героями. Знаете, хорошие парни, плохие парни. Вы – хорошие парни. Но так получилось, что у вас свои увлечения, вы не вписались в ее картину мира. Но и к плохим парням она не может вас отнести...

Доктор сделал паузу и закончил фразу:

– По крайней мере, сына точно не может.

Он посмотрел на монитор и еще раз повторил:

– Очень, очень было бы неплохо, если бы ваша супруга нашла себе иной смысл в жизни.

– Я вас понял, доктор, – ответил Майкл и уточнил, – таблеток не будет?

– Ваша жена вменяема, просто слишком возбудима. Я, конечно, могу выписать самые легкие препараты, но... Давайте попробуем еще немного обойтись без них.

«Давайте попробуем еще немного обойтись без них,» – негодовал Майкл по дороге домой (негодовал про себя, так как Хлоди сидела рядом, как обычно, обиженная на весь свет), – «Давайте попробуем... Старый черт, не стесняется каждый раз брать деньги, а толку пока никакого. Надо было ему предложить попробовать... Пожить с ней хотя бы неделю. Мигом бы вытащил из своего сейфа самые сильные препараты... Или даже яд.»

Такие мысли посетили Майкла Фонга впервые в жизни. Будучи от рождения неисправимым оптимистом, первые двадцать с лишним лет (до момента знакомства с будущей женой) Майкл Фонг смотрел на мир если не через розовые очки, то уж точно не через черные. Брак с Хлоди Мур подверг врожденный оптимизм серьезному испытанию и выработал в характере Майкла не только исключительное терпение, изрядную долю сарказма, но и способность «отключаться» от действительности.

Это сыграло с ним сегодня злую шутку. Майкл так разо-

злился на неуступчивого доктора, что сам не заметил как, задумавшись, превысил скорость, был остановлен полицейским и оштрафован на крупную сумму. Это окончательно вывело из себя обычно спокойного и уравновешенного Майкла. Подъехав к дому, он довольно невежливо буркнул жене, что должен через полчаса быть на репетиции и что не может провести с ней этот вечер. Хлоди еще сильнее надулась, но скандалить не стала, молча вышла из машины. Майкл быстро дал задний ход, уже разворачиваясь, краем глаза отметил, что жена открыла почтовый ящик и вытащила оттуда какие то бумаги.

Вернувшись с репетиции (очень, очень поздно, – Майкл понимал, что это несправедливо по отношению к сыну, но ничего не мог с собой поделать, видеть Хлоди после посещения психоаналитика было выше его сил), мистер Фонг с удивлением обнаружил, что жены нет дома.

– А где мама? – поинтересовался он у сына, после того как заглянул на кухню, в ванную, в спальню и в маленькую кладовку под лестницей, – Хлоди ни в одном из этих мест не наблюдалось.

– Она пошла на какое-то собрание, – ответил Лю.

Майкл удивился, но уточнять не стал. Миссис Майкл Фонг вернулась домой в половине первого ночи, на вопрос мужа, где она была, отвечать не стала, но зато объявила, что с сегодняшнего дня Майкл будет спать в комнате для гостей.

Чтобы не огорчать супругу, в кои-то веки пребывающую в

относительно спокойном расположении духа, Мистер Фонг сделал вид, что обиделся, быстро собрал свои вещи и перенес их в комнату для гостей, опасаясь, что Хлоди передумает.

Хлоди не передумала. Три раза в неделю она ходила на какие-то сборища, приносила домой брошюры и журналы. Вечерами сидела у компьютера, что-то искала в сети. Подошло время очередного визита к психоаналитику, Хлоди заявила, что больше в терапии для пары необходимости нет, Майкл может оставаться дома, она сама съездит и все объяснит. Через три часа Майклу позвонил психоаналитик и, выразив свое огорчение по поводу потери столь приятных клиентов, поздравил Майкла.

Мистер Фонг очень удивился и поинтересовался, с чем именно.

– Ну, как же, – удивился специалист, – ваша жена нашла себе новый круг общения. Не самый плохой вариант.

Майкл молчал, аналитик забеспокоился:

– Она что, ничего вам не рассказала?

Пришлось признаться, что нет.

– Тогда, – с сожалением сказал аналитик, – вам придется подождать, когда она сама будет готова сообщить свои новости.

– Но, – начал, было, Майкл...

– Нет, нет и еще раз нет, – твердо ответил аналитик, – я не могу вам ничего сообщать, извините.

Обеспокоенный Майкл направился в их теперь уже не совместную спальню, где обнаружил несколько методичек не так давно появившегося Общества “Save Soul – SS”. В тех кругах, где вращался Майкл, новое общество принимали всерьез. Самые продвинутые коллеги Майкла по оркестру, в основном те, чьи предки приехали в США из Восточной Европы, говоря об «SS» вспоминали Германию 30-х годов прошлого столетия, где существовала организация с подобной аббревиатурой. Майкл долго не верил в пытки и газовые камеры, пока однажды, во время очередных европейских гастролей, альтист Збышек не сводил его на экскурсию в Освенцим. Майкл был потрясен, шокирован, его разум отказывался верить собственным глазам. Невозможно, чтобы такое творили люди с другими людьми... Поздно вечером, после концерта, в каком-то баре пьяный Збышек рассказал ему, что его пра-прадедушка выжил в Освенциме, и что все, увиденное сегодня Майклом, правда.

И вот сейчас он, Майкл Фонг, музыкант, первая скрипка в лучшем оркестре страны, счастливый отец невероятно талантливого сына, стоит в собственном доме и держит в руках агитки сомнительной организации. Сомнительной с точки зрения человеческой морали.

Майкл услышал, как хлопнула входная дверь, вернулась Хлоди. Он не стал спускаться вниз, не хотелось устраивать разборки в присутствии Лю. Когда жена вошла в спальню Майкл резко (что было ему совсем не свойственно ранее)

подошел к ней и, протянув ей брошюру, спросил:

– Как ты это объяснишь, Хлоди?

Жена не смутилась, не запаниковала, не заплакала и не закатила истерику. Она спокойно взяла брошюру, положила ее на тумбочку около кровати.

– Чему ты так удивляешься, Майкл? Тебе никогда не было до меня никакого дела. Ты всегда считал меня недалекой курицей, помешанной на боевиках. Ты отобрал у меня молодость, ты отобрал у меня сына. Я никому не нужна в этом доме.

Если бы она гневно выкрикнула эти слова, заливаясь слезами, Майкл бы просто повернулся и вышел, чтобы не видеть очередную истерику жены. Но Хлоди говорила совершенно спокойным тоном, и это напугало Майкла более всего. А самое ужасное, в ее словах было много правды. Он давно уже считал жену чем-то вроде необходимого придатка к талантливому сыну. И вдруг оказалось, что придаток имеет собственное мнение. Майкл молчал, Хлоди, между тем, продолжала говорить.

– Я знаю, ты хотел, чтобы я занялась танцами или плетением макраме... Но Мне Это Не Интересно, Майкл! – она чуть повысила голос и у мистера Фонга появилась надежда, что сейчас этот тихий кошмар закончится и начнется привычная семейная ссора, но Хлоди взяла себя в руки. – Почему ты не радуешься, Майкл? Я нашла увлечение себе по душе. Знаешь, ТАМ никто не считает, что я глупая. ТАМ

мне объяснили, что просто пока никто в семье во мне по-настоящему не нуждается. Но мне надо терпеливо ждать, и наступит день, когда я буду вам нужна.

– И когда такой день наступит? – машинально спросил потрясенный Майкл.

Хлоди пожала плечами:

– Не знаю. Там говорят, что я сразу пойму...

На этом их первый и последний разговор по поводу нового «хобби» миссис Майкл Фонг закончился.

Куда бы ни ходила Хлоди Фонг, ТАМ ее не обманули насчет дня, когда она станет очень нужна своей семье. Только ждать этого дня ей пришлось почти десять лет.

Все эти годы семья Фонг жила в состоянии хрупкого, очень хрупкого мира. Таких семей много вокруг нас. Со стороны кажется, что у них все в порядке, вы даже завидуете таким семьям, – ну, надо же, как у людей все отлично складывается... И лишь иногда, случайно, вам удастся заглянуть за кулисы благополучия.

К шестнадцати годам Лю выиграл несколько региональных и международных юношеских скрипичных конкурсов. В тот год, когда «настал час» миссис Майкл Фонг, ее сыну Лю исполнилось 16 лет, и его заявили на Московский Международный конкурс скрипачей имени Никколо Паганини. По этому случаю в торжественной обстановке студенту консерватории мистеру Лю Фонгу была вручена уникальная скрипка работы Джузеппе Гварнери, один из пятидесяти дошед-

ших до наших дней инструментов, некогда созданных великим генуэзцем.

Событие широко освещалось в прессе, фотографии Лю со скрипкой в руках появились во всех СМИ, даже главные новостные каналы страны уделили этому примерно две минуты своего дорогого эфирного времени.

Конкурсная программа стала предметом ожесточенного спора между Майклом и педагогом Лю по классу скрипки. Майкл считал, что хотя исполнение знаменитых «капризов» Паганини будет весьма выигрышным, все же стоит познакомиться публику с гораздо менее известными произведениями. В итоге был найден разумный компромисс: для выступления соло Полонез Венявского, второй тур – скрипка в сопровождении фортепьяно – соната Дж. Тартини «Дьявольские трели», в третьем туре (в сопровождении симфонического оркестра) Лю должен был играть Концерт для скрипки с оркестром Петра Чайковского. Для финального концерта (в том, что Лю выйдет в финал никто не сомневался, вопрос был лишь будет ли он первым или возьмет Гран При) был выбран Первый концерт для скрипки с оркестром Никколо Паганини. Времени до конкурса оставалось всего ничего, каких-то полгода. Лю отправил заявку и начал готовиться. В конце августа Майкл Фонг получил письмо от профессора, педагога своего сына по классу скрипки. Титулованный мэтр просил мистера Фонга изыскать возможность нанести визит в консерваторию. Так случилось, что у мистера Майкла Фон-

га как раз случился небольшой перерыв в гастрольном графике, он отправил ответное письмо, в котором сообщил, что приедет в среду.

Профессор ждал Майкла на втором этаже в аудитории номер двести тридцать четыре.

– Здравствуйте, – сказал Майкл и протянул ему руку, – я вас слушаю.

– Здравствуйте, здравствуйте, – несколько отрешенно ответил профессор, затем неожиданно резко схватил Майкла за рукав и потянул к дверям, – пойдете, пойдете, вы должны сами это услышать!

Они прошли по коридору и остановились перед аудиторией номер двести сорок пять. Профессор прижал палец к губам и осторожно приоткрыл дверь.

В небольшой репетиционной комнате спиной к двери стоял Лю.

– Только ничего не говорите, – прошептал педагог Майклу, – у него не получается пассаж в двадцать четвертом капризе. То есть, это он считает, что не получается. Любой другой студент был бы счастлив сыграть этот пассаж так, как играет его Лю. А вот ваш сын, мистер Фонг, недоволен. Он репетирует каждый день по несколько часов, я не знаю, чего он хочет добиться. Вот, смотрите...

Лю положил скрипку на плечо, поднял смычок, закрыл глаза (этого, конечно, Майкл с профессором видеть не могли, но Майкл знал, что сейчас Лю закрыл глаза), взметнулась

вверх правая рука...

И мир сошел с ума. Воздух вздрогнул и распался на отдельные молекулы, волна звуков пронеслась по комнате, но там ей было тесно, через приоткрытую дверь она выплеснулась в коридор. Майкл отшатнулся, профессор, заметив его состояние, закрыл дверь. Теперь музыка звучала немного тише, по крайней мере, ее можно было слушать, не опасаясь за свой рассудок.

– Вы это слышали? – спросил профессор, – Я уверен, что сам Паганини никогда ТАК не мог сыграть свой каприз. Но он написал его... Для вашего сына, Майкл. Для вашего сына...

Майкл ничего не ответил, повернулся и ушел, не попрощавшись с профессором. Сев в машину, он попытался разобраться в своих чувствах. Он должен гордиться сыном. Должен, да. Все родители хотят, чтобы дети были умными, красивыми, талантливыми и удачливыми. Когда дети обладают всеми этими качествами (или хотя бы парочкой), родители должны быть счастливы. Почему же он, Майкл Фонг, первая скрипка самого лучшего в стране симфонического оркестра, отец замечательного мальчика Лю, не чувствует себя счастливым?

Впереди мелькнула вывеска «Старбакс», Майкл решительно свернул на стоянку. Домой ехать совершенно не хотелось. Невозможно видеть жену, изучающую очередную душевспасительную брошюру своего дурацкого общества. Спа-

сибо, что хоть их не втягивает.

Майкл заказал кофе и еще раз попытался разобраться со своими чувствами. Примерно через полчаса он уже не сомневался в диагнозе. Да, родители радуются успехам своих талантливых детей, но оказывается очень трудно и очень страшно вдруг осознать, что твой ребенок – гений. Что в свои шестнадцать он играет лучше, чем ты в свои сорок. И, что самое ужасное, даже если ты будешь держать в руках скрипку двадцать четыре часа в сутки, ты все равно никогда, никогда не сыграешь так, как он. Потому что ты – способный музыкант, хороший музыкант, но ты – НЕ гений.

Он расплатился за кофе и поехал домой, не подозревая, что уже через сорок минут он будет проклинать себя за столь внезапно проявившуюся профессиональную ревность к сыну.

В гостиной стояла Хлоди. Похоже, она только что закончила разговаривать с кем-то по телефону, и услышанные новости были не из разряда приятных. Она осторожно положила телефон на журнальный столик и диковатыми глазами посмотрела на Майкла. Он поздоровался, жена ничего не ответила. Вот это показалось странным, обычно в ответ на его приветствие она безупречно вежливо отвечала «добрый день» или «добрый вечер» (это зависело от времени возвращения Майкла домой). Основопологающий принцип общества «Save Soul» гласил «нужно быть абсолютно вежливыми с теми, кто тебя окружает». Отсутствие «абсолют-

ной вежливости» почти автоматически приводило к изгнанию паршивой овцы из дружного стада «SS». Хлоди Фонг уже добрых десять лет была активным членом местного отделения общества и даже, как однажды с удивлением узнал Майкл, занимала там какой-то ответственный пост. Должна быть очень веская причина, чтобы Хлоди проигнорировала принцип «абсолютной вежливости». Майкл решил выяснить эту причину.

– Что случилось, Хло?

Жена очень медленно села в кресло, взяла в руки телефон и положила обратно. «Неужели она сошла с ума?» – мелькнула мысль, Майкла бросило в пот. Он никогда в жизни не имел дела с сумасшедшими, рука полезла в карман пиджака за телефоном, нужно срочно позвонить 911.

– Это Лю, – вдруг хрипло сказала Хлоди, – они звонили насчет Лю.

Майкл не сразу понял:

– Кто они? – и вдруг до него дошло, он подскочил к жене и больно сжал ее плечи:

– Что случилось, Хлоди??? Что случилось с Лю?

Потом они долго сидели в приемном покое, и Майкл впервые за много лет нежно обнимал Хлоди за плечи. Когда появился врач, Хлоди напряглась, Майкл погладил ее по спине:

– Посиди, я сам все узнаю...

– Состояние тяжелое, но стабильное, – сразу начал врач.

– Что случилось с ним, доктор?

– Похоже, что на вашего сына напали. Он сильно избит, переломаны ребра, но не это самое плохое...

– А... – Майкл запнулся, но все же произнес, – А что самое?

– Те, кто это сделал, надели ему на голову каменную вазу для цветов. Череп не проломлен...

– Слава Богу! – выдохнул Майкл.

Врач строго посмотрел на него:

– Мы не можем пока сказать, как сильно поврежден мозг.

– Но ведь вы только что сами сказали, что череп цел? – робко возразил Майкл.

– Могут быть внутренние повреждения.

– И когда станет ясно, есть эти повреждения или нет? – спросил Майкл.

– Давайте подождем, пусть он сначала выйдет из комы.

Майкл вернулся к жене, она по-прежнему сидела, не двигаясь, смотрела в одну точку и молчала.

– У него стабильное состояние Хло. Его сильно избивали, но он жив.

Миссис Фонг ничего не ответила, просто встала и направилась к выходу. Майкл испугался, эмоциональная Хлоди, за почти два десятка лет совместной жизни, устраивавшая истерики и по менее значительным поводам, молчала. Он кинулся к врачу.

– Доктор, моя жена... Она очень странно себя ведет.

Врач кивнул:

– У нее шок, сейчас ее перехватит в коридоре медсестра, вашей жене сделают укол, и она будет спать несколько часов.

Неожиданно в коридоре послышался шум, потом Майкл услышал голос своей жены:

– Отойди от меня, мерзавка, что ты лезешь со своими каплями?

В голосе Хлоди не слышалось ни малейшего намека на основополагающий принцип «абсолютной вежливости», она скандалила с упоением, как в былые времена. Майклу стало неловко, но в то же самое время он успокоился.

– Пожалуй, уколов не нужно, – быстро сказал он оторопевшему врачу, – с ней все в порядке.

И, пока доктор не опомнился, Майкл быстро выскочил в коридор. Испуганная пуэрториканка вжалась спиной в стену, над ней как волна цунами нависла разгневанная Хлоди. На полу в маленькой коричневой лужице валялся пластиковый стаканчик.

Хлоди подняла руку и замахнулась, Майкл бросился вперед, схватил жену за талию и оттащил от медсестры.

– Мерзавка, мерзавка, мерзавка, – шипела Хлоди, пытаюсь вырваться, – ты у меня еще поплатишься, мерзавка...

Майкл буквально вытолкнул супругу на улицу:

– Успокойся, дорогая, она просто хотела тебе помочь.

Хлоди перестала дергаться и неожиданно спокойным голосом скомандовала:

– А ну, отпусти меня.

Майкл разжал руки и отступил на шаг. Истерящая Хлоди была привычна и понятна. Новая, спокойная и уверенная, Хлоди пугала. Майкла даже слегка затошнило от страха. Он не знал, что ожидать от этой незнакомой женщины.

– Поехали домой, Хло, – робко предложил он, – доктор сказал, что завтра будет ясно, насколько все плохо... – он помолчал и неуверенно закончил, – Может быть, будет ясно.

Хлоди кивнула и спокойно села в машину, Майкл завел двигатель, чуть приоткрыл окно, рука потянулась включить музыку, но он вовремя опомнился. В данной ситуации музыка была неуместна.

Дома Хлоди закрылась в спальне. Майкл немного постоял под дверью, прислушался. Тишина. Жена не плакала, не причитала. Ему опять стало страшно, он быстро спустился вниз, в гостиную. Обычно непьющий, он вдруг понял, что если немедленно не выпьет рюмку чего-нибудь крепкого, нервы могут не выдержать.

Коньяка в баре не оказалось, зато там стояла открытая бутылка настоящей русской водки, привезенная Майклом полгода назад из гастрольного тура. Майкл налил себе половину стакана и сделал глоток. У него перехватило дыхание, гортань наотрез отказывалась принимать непривычный напиток. Подавив рвотный рефлекс, Майкл загнал водку в горло и быстро сделал еще один глоток.

Минут десять ничего не происходило, он сел в кресло и тупо уставился в угол. В углу стоял сейф, установленный по

настоящему страховой компании. В сейфе хранилась скрипка, та самая, работы Джузеппе Гварнери. Майкл резко встал, пошатываясь, подошел к сейфу, приложил палец к сенсорному устройству, дверь медленно открылась. Он вынул скрипку, неловко задев пальцем струны.

Немного постояв, Майкл Фонг положил скрипку обратно в сейф. Он, Майкл, не имеет права на ней играть. Потому что на такой скрипке должен играть гений. Такой, как его сын Лю. А в том, что с Лю случилось несчастье, виноват он, Майкл. Виноват, потому что позавидовал, позавидовал собственному сыну.

Майкл упал в кресло, да, он виноват... Что теперь делать? А если врачи не смогут помочь и Лю умрет? И останется только ненавидящая его Хлоди. Мистер Фонг подумал, что надо бы еще выпить, но сил уже не было. Он так и уснул, сидя в кресле. Разбудила его Хлоди.

– Звонили из больницы, Майкл, Лю пришел в себя. Нам нужно ехать.

– Да, да, – Майкл растеряно взмахнул руками, с непривычки голова гудела, – иду...

– Я поведу машину, – резко ответила Хлоди, – ты не в состоянии сесть за руль. И вообще, сыну нужна твоя поддержка, а ты позволяешь себе пить. Иди в ванную и приведи себя в порядок. Я не хочу, чтобы Лю видел тебя таким.

Майкл кивнул, на этот раз Хлоди была абсолютно права. Он поплелся в ванную (надо бы поторопиться, но измучен-

ный организм задавал свой темп), включил воду, взял тюбик с зубной пастой и щетку. Внезапно закружилась голова, Майкла шатнуло вперед, он успел выставить вперед руку, чтобы не удариться о зеркало... Постояв так несколько минут, пока не перестала стучать кровь в висках, Майкл открыл кран. Не отрываясь от зеркала, свободной рукой плеснул в лицо воды, стало легче, но ненадолго.

– Ты что там застрял? – раздался из-за двери голос Хлоди.

Майкл сморщился, выдавил на щетку немного пасты, провел ей пару раз по зубам, чтобы убрать привкус во рту. Выплюнул пасту, наскоро сполоснул рот, и крикнул:

– Уже иду!

С дороги Хлоди позвонила в больницу, поэтому, когда они вошли в приемный покой, хирург, делавший операцию Лю, уже ждал их.

– Я могу его увидеть, доктор? – сразу пошла в наступление Хлоди.

– Да, – кивнул врач, – но только очень недолго. Состояние еще нестабильное.

Майклу казалось, что пациентов в таком тяжелом положении должны держать где-нибудь далеко. По крайней мере, в телесериалах посетители, пришедшие навестить тяжелобольного родственника или знакомого, обычно шли длинными коридорами. Палата Лю оказалась за третьей дверью в первом же коридоре.

Доктор открыл дверь и вошел в палату, за ним уверен-

но вошла Хлоди, а Майкл... Майкл, к стыду своему, остался. Ему стало страшно. Вернулась мучительная мысль, что в том, что случилось с сыном, виноват он. И сейчас, если он войдет в палату, Лю скажет это вслух:

– Папа, я знаю, что ты завидуешь!

– Вы идете? – спросила Майкла невысокая медсестра с какими-то скляночками в руках.

– Я, – Майкл замялся.

Оказалось вдруг, что очень сложно объяснить, почему отец не хочет видеть тяжелобольного сына.

Сестра понимающе кивнула. Наверное, в ее практике такие случаи встречались. Она вошла в палату, Майкл остался. Прошло не больше трех минут, дверь открылась, появились Хлоди и лечащий врач.

– Ну что, доктор? – быстро спросил Майкл, стараясь не встречаться взглядом с женой.

– Боюсь, что положение несколько хуже, чем мы ожидали, мистер Фонг.

У Майкла оборвалось сердце, неужели он своей завистью погубил сына:

– Вы хотите сказать, что Лю... – начал он.

– Он выживет, – перебил его врач, – но возможна полная потеря слуха.

Последующие полгода жизнь семьи Фонг, и до того бывшая не безоблачной, превратилась в натуральный кошмар.

Лю выписали из больницы через полтора месяца. Заби-

рала его Хлоди, Майкл уехал на гастроли. Объяснение для всех, кто мог заинтересоваться, – семье очень нужны деньги. Больше, чем раньше. Объяснение для себя, – он не мог находиться с сыном в одной квартире. Чувство вины усиливалось с каждым днем и стало почти невыносимым. Видеть, как Лю берет в руки скрипку и пытается играть, и как у него это не получается, было невыносимо.

А тут еще, поскольку на конкурс имени Паганини они уже никак не попадали, пришло официальное письмо, что скрипка, чудесная скрипка работы Джузеппе Гварнери, должна быть возвращена в скрипичный фонд. Ее выдадут другому музыканту, потому что такой инструмент должен играть.

В день, когда забрали скрипку, Лю не вышел из своей комнаты. Не вышел он и на следующий день и через неделю. Майкл ходил мрачнее тучи и боялся зайти к сыну. Хлоди же, напротив, расцвела. В доме стали появляться какие-то незнакомые люди. На вопрос Майкла, кто они такие, жена коротко ответила, что все они – члены общества «Save Soul». Майкл не стал уточнять, что делают все эти «члены» в их доме. Наверное, он должен был выгнать их, но не мог. Потому что в трудную для сына минуту недалеко, как считал все эти годы Майкл, Хлоди оказалась сильнее, чем он.

Даже сейчас она смело входила в комнату сына (Лю часами лежал на кровати, повернувшись к миру спиной), терпеливо дожидалась, когда он заметит ее присутствие, и начинала с ним разговаривать, четко выговаривая слова, чтобы Лю

мог прочесть по губам. Майкл за это время в комнату Лю не зашел ни разу. Он вообще старался поменьше бывать дома, сутками пропадая на репетициях. Когда встал вопрос о внеочередных гастролях (нужно было срочно заменить сломавшего ногу коллегу), руководитель оркестра вызвал Майкла к себе в кабинет и деликатно намекнул, что если в связи с тяжелыми семейными обстоятельствами мистер Фонг не сможет поехать, все это поймут. Майкл, не дослушав, перебил руководителя, заявив, что «дома, конечно, не все в порядке, но Хлоди владеет ситуацией». Руководитель заметно удивился, но благоразумно промолчал, потому что был интеллигентным человеком. Фамилия мистера Фонга была занесена в гастрольный список.

Гастроли продлились четыре месяца. Майкл ежедневно звонил домой. Он принципиально не набирал мобильник жены, а звонил на домашний номер в надежде услышать сына. На звонки отвечали всегда. Когда Хлоди, когда незнакомые очень вежливые голоса. Майкл представлялся и просил позвать миссис Фонг. Чьи это голоса, он не спрашивал. И так было понятно, что в их доме, похоже, открылось региональное отделение «SS». Лю трубку не взял ни разу, хотя еще до отъезда Майкл оборудовал все аппараты в доме световым сигналом, чтобы Лю видел, когда телефон звонит.

Рано или поздно все заканчивается, закончился и этот гастрольный тур. Родной город встретил Майкла привычным дождем. Майкл остановил такси и продиктовал адрес. По

дороге он пытался настроиться на оптимистичный лад, получалось плохо. Так, в тоскливом настроении мистер Майкл Фонг подъехал к своему дому. Там стояло неожиданно много машин. Тоска вмиг сменилась злостью, наглость адептов «SS» перешла все границы. С твердым намерением выгнать всех Майкл поднялся по ступенькам. Неожиданно дверь открылась, из дома вышел невысокий толстый мужчина в смешных круглых очках. Майкла мужчина проигнорировал, хотя они чуть не столкнулись лбами (точнее лоб мужчины чуть не врезался Майклу в солнечное плетение). Чудом избежав столкновения, мужчина бесцеремонно повернулся к Майклу спиной и энергично начал жать руку шедшей за ним Хлоди:

– До свидания, миссис Фонг, был очень рад с вами познакомиться. Полагаю, что все формальности мы уладим очень быстро.

Хлоди что-то сказала в ответ, но очень тихо, Майкл не расслышал. Толстячок отпустил ее руку, привычным движением вытер ладонь об штаны и продолжил:

– Завтра, я думаю, завтра ваш сын получит контракт. Не волнуйтесь...

Хлоди опять что-то сказала, толстяк кивнул:

– И этот вопрос тоже решаем. Спасибо, что нашли время меня принять.

Майкл подумал, что пора вмешаться, открыл было рот, но толстяк резко развернулся, отодвинул Майкла плечом и

быстро засеменял вниз по лестнице.

– Кто это? – язвительно поинтересовался Майкл, – Неужели ты, наконец, завела любовника...

Хлоди пожала плечами и ничего не ответила. Майкл продолжал напирать:

– Теперь ты со мной уже не разговариваешь, да? Что не мешает тебе брать у меня деньги. В том числе на взносы в это твоё идиотское общество!

– Не волнуйся, – неожиданно ответила Хлоди, – больше я не буду брать у тебя деньги.

– Интересно, на что ты собираешься жить, – парировал Майкл.

– Я нашла работу, – ответила жена.

– Интересееееенно, и кем же ты можешь работать, если ты никогда в своей жизни не работала, – продолжал издеваться над женой Майкл, но его язвительные фразы, похоже, совершенно не трогали Хлоди. Дождавшись, когда муж выпалит очередную гадость, миссис Фонг заметила:

– Я хотела тебе сказать, Майкл, что Лю скоро уедет.

– Что? – он сначала решил, что ослышался, – Что ты сказала?

– Я сказала, Майкл, – очень спокойно повторила жена, – что Лю скоро уедет.

– Что ты задумала? – заорал он и схватил жену за плечи.

– Не зарывайся, Майкл, – посоветовала Хлоди, – иначе тебе придется объясняться в полиции.

– Ты сумасшедшая, – Майкл ткнул ей в грудь указательным пальцем, – Ты сама-то понимаешь, что говоришь. Куда он поедет? Он – инвалид.

– Закария Виальдо взял его в свой новый проект.

Даже такой далекий от мира кино человек как Майкл Фонг слышал фамилию Виальдо. А уж о новом проекте сеньора Виальдо рассказали все новостные каналы, знаменитый шоумен Фрэнк Лири посвятил этой теме свое воскресное шоу. Также Майкл несколько раз натыкался на интервью с самим Виальдо и вторым продюсером, никому не известным русским, чей вклад, похоже, ограничивался только деньгами. Но какая может быть связь между великим Закарией Виальдо и домашней курицей Хлоди Фонг? Он уже хотел задать этот вопрос, как вдруг вспомнил, что в самом конце интервью, после того, как Закария и никому не известный русский рассказали о своем видении нового фильма (этот кусок передачи Майкл не запомнил), оператор вдруг показал крупным планом пиджак господина Виальдо. На лацкане красовался значок, две буквы «SS». Точно такой же значок был приколот к домашнему платью Хлоди.

Через две недели Майкл и Хлоди Фонг провожали сына в Москву. Когда они приехали в аэропорт, к ним подбежала какая-то невысокая энергичная дама.

– Миссис Майкл Фонг? – бодро поинтересовалась дама. Хлоди кивнула.

– Это ваша семья? – продолжила опрос дама, делая ка-

кие-то пометки в своем планшете, – Едет только мистер Лю Фонг?

– Простите, – вмешался Майкл, – а вы кто такая?

Вопрос прозвучал крайне невежливо, но энергичная дама нисколько не обиделась, напротив, от Майклова недоверия она вроде как даже расцвела.

– Я понимаю вас, мистер Фонг, – дама стала еще любезней и доброжелательней, – меня прислал мистер Виальдо. Он сказал, что вам может понадобиться моя помощь.

Майкл насторожился, столь плотная опека со стороны мистера Виальдо казалась несколько неуместной. Да, у Лю проблемы со слухом, но он вполне вменяемый парень...

Дама внимательно посмотрела на Майкла и добавила:

– Я провожу вас в VIP-зону Почти все участники проекта уже там.

Майкл промолчал, но решил повнимательнее присмотреться ко «всем участникам проекта». В конце концов, еще не поздно отказаться. У них свободная страна, никто не имеет права заставить Лю ехать куда-то, если родители, один из родителей категорически против.

В VIP-зоне народу было совсем немного. Почти у самых дверей сидели два мОлодца. Любой человек признал бы в них телохранителей какого-нибудь важного лица. Однако никаких важных лиц в радиусе пяти метров не наблюдалось, зато между телохранителями стоял средних размеров ящик. Видимо, их основной задачей была охрана ящика и его со-

держимого. Поэтому молодцы одаривали всех входящих подозрительными взглядами, оценивали потенциальную опасность.

Семейство Фонгов не вызвало у них никаких подозрений, но на всякий случай один из молодцов демонстративно провел рукой там, где куртка (Майкл отметил, что все присутствовавшие, кроме дамы-гида, были одеты в одинаковые куртки цвета хаки) слегка оттопыривалась.

– Кто это такие? – Хлоди дернула мужа за рукав.

Майкл не смог отказать себе в удовольствии слегка пнуть жену:

– Не знаю, – прошипел он в ответ, – это твои знакомые устроили Лю в «проект». Похоже, что они не очень тебе доверяют. Не сказали о том, что участников проекта будет сопровождать вооруженная охрана.

Хлоди схватила за плечо женщину-сопровождающую:

– Почему здесь вооруженные люди? Я не отпущу своего сына...

– Успокойтесь, миссис Фонг, – энергичная дама ощерилась в улыбке, – вы забыли, о чем с вами говорил мистер Виальдо... Насчет реабилитации Лю.

Она поднялась на цыпочки так, чтобы дотянуться до уха Хлоди и что-то прошептала. Информация, судя по реакции миссис Майкл Фонг, была сногсшибательная. Хлоди охнула и заискивающе произнесла:

– Не может быть!

– Почему же? – уже для всех сообщила энергичная дама, – Мистер Виальдо всегда держит свое слово.

По реакции энергичной дамы Майкл уяснил для себя, что молодцы входят в программу путешествия и опасности не представляют. Он немного расслабился и стал разглядывать остальных. В кресле у стены сидел нервный толстый мужчина в очках. Мужчина все время доставал сигареты, но не закуривал, а разминал сигарету, пока папиросная бумага не прорывалась, и не начинал высыпаться табак. Тогда мужчина выбрасывал поврежденную сигарету в стоящее рядом мусорное ведро, примерно с полминуты сидел спокойно, после чего вновь лез во внутренний карман куртки.

– Это что за фрукт? – поинтересовался Майкл у энергичной дамы.

Та вмиг перестала улыбаться, укоризненно посмотрела на Майкла и «со значением» произнесла:

– Это режиссер фильма, мистер Брайан Деллафонте.

– Мы должны к нему подойти? – поинтересовалась Хлоди.

Женщина сделала шаг, пытаясь защитить мистера Деллафонте от непрошенных гостей.

– Полагаю, в этом нет никакого смысла, – твердо заявила она.

Майкл Фонт был полностью с ней согласен. Он также не видел никакого смысла в знакомстве с нервным мистером Деллафонте. Ему нужен был человек, которому можно было бы доверить опекать Лю во время поездки, а Брайан Делла-

фонте явно сам нуждался в опеке.

Лучше всего, чтобы Лю опекала какая-нибудь женщина. Майкл посмотрел по сторонам, в дальнем углу VIP-зала сидели две женщины, блондинки. Одна из них читала книгу, вторая сидела, откинувшись на спинку кресла, в ушах Майкл заметил наушники. Та, что с книгой, казалась совсем юной и, к тому же, была очень похожа на Мэрилин Монро. Дама в наушниках выглядела несколько старше. Сначала Майкл решил, что ей около тридцати, но, подойдя поближе, с удивлением отметил, что дама, скорее всего, ровесница Хлоди. Правда, выглядела она так, как Хлоди не выглядела даже семнадцать лет назад, до рождения Лю. Пожалуй, к этой женщине можно обратиться с просьбой присмотреть за их сыном. Мистер Майкл Фонг направился к блондинке в наушниках, как вдруг кто-то цепко схватил его за рукав, не давая сделать и шага. Майкл дернулся, пытаясь вырваться, и обернулся.

Хлоди смотрела на него с нескрываемой ненавистью:

– Я вижу, что ты задумал, – прошипела она, – к тем двум шлюхам направился... Я все эти годы знала, что ты на гастролях не теряешь времени даром!

Майкл смутился, не потому, что она «вывела его на чистую воду». Он не хотел скандала. Все эти люди в ближайшие несколько месяцев будут жить и работать вместе с Лю. Зачем им знать о внутренних проблемах семьи Фонг? Но, как ни странно, Майкл почувствовал облегчение. Это была

привычная скандальная Хлоди, а не хладнокровная супервумен. Ненадолго ей хватило выдержки. Он почти нежно взял ее за локоть:

– Хло, расслабься... Не устраивай скандал... – Майкл говорил тихо и спокойно, чтобы не привлекать внимания, но было поздно.

Оба охранника повернули головы в их сторону, убедились, что на заветный ящик никто не покушается, и вновь расслабились.

Девушка, похожая на Мерилин Монро, оторвалась от книги и с интересом посмотрела на чету Фонг. Книжку она подняла и прижала к себе, стало видно обложку. Майкл с удивлением отметил, что девушка читает не женский роман, а Эрика Берна «Игры, в которые играют люди». Только женщина в наушниках ничего не заметила, она продолжала покачиваться в такт музыке.

Скандал переходил в следующую стадию. Ноздри Хлоди раздулись, это означало, что она сдерживается из последних сил. И сил этих, как показывал опыт предыдущих лет, хватит ровно на минуту, после чего ей уже будет все равно, кто что скажет или подумает. Ситуация почти вышла из-под контроля. Майкл Фонг зажмурился, сделал глубокий вдох, приготовившись к нескольким минутам позора, открыл глаза, готовый встретить очередной удар судьбы, как вдруг появился ангел-хранитель. На сей раз ангел хранитель принял облик худого нескладного молодого человека. Нимба не наблюда-

лось, вместо аккуратных золотистых локонов торчали вихры непонятного цвета. Нежно-розовый румянец, которым награждают ангелов художники, также отсутствовал, зато в большом обилии были прыщи различной степени зрелости. А еще ангел был близорук и носил очки с толстыми стеклами, отчего глаза казались совсем маленькими, практически невозможно было разобрать какого они цвета. В общем, по внешнему виду опознать в этом субъекте посланца небес или *deus ex machine* было весьма затруднительно. Майкл заметил его первым и уже хотел предупредить, чтобы парень отошел подальше, но не успел. Очкарик вежливо обратился к Хлоди:

– Леди, я могу вам чем-нибудь помочь?

Супруга мистера Фонга, конечно же, знала, что женщин иногда называют леди. Она даже имела приблизительное представление, как эти леди должны выглядеть (одним из любимейших фильмов Хлоди, не считая, конечно, фильмов про кунг-фу, был «Унесенные ветром»), но за всю жизнь никто и никогда не называл Хлоди «леди». Ни когда она была мисс Мур, ни когда она стала миссис Майкл Фонг. Поэтому она на всякий случай уточнила у очкастого парня:

– Это вы мне?

Он кивнул, подтверждая тем самым, что именно в миссис Фонг, а не в тех двух крашеных (мужчины могут верить в натуральность таких блондинок, но миссис Фонг не проведешь) шалавах он увидел настоящую леди. Хлоди моментально забыла, что собиралась устроить разборки. Она ма-

шинально поправила волосы и одернула кофту, эти движения записаны в геноме у всех женщин мира. Женщины искренне верят, что после таких незамысловатых манипуляций они выглядят лучше, чем двадцать секунд назад, когда они только подошли к зеркалу. Женщины ошибаются. Не зафиксировано ни одного случая, чтобы дурнушка, помахав руками перед зеркалом, вдруг превратилась в писаную красавицу. Ни одного! Вот и миссис Майкл Фонг это не помогло, лучше выглядеть она не стала. Однако прыщавый парень не смутился, а смело продолжил:

– У вас какие-то затруднения, леди?

О, да, у Хлоди Фонг были затруднения. Ее затруднения начались восемнадцать лет назад, когда она вышла замуж за Майкла Фонга. Миссис Майкл Фонг готова была поведать миру о своих затруднениях, чтобы еще раз услышать в свой адрес обращение «леди».

Майкл сначала решил, что прыщавый очкарик тоже состоит в этой шайке, организации «Save Soul», но на куртке парня не было значка. Насколько знал Майкл, члены общества носят значок всегда. Стало быть, этот тип – не из SS, но тогда кто он и что ему нужно от Хлоди? Парень, конечно, постарше Лю будет, ему около двадцати, гормоны ходят по организму батальонами. В его возрасте сексуальными кажутся даже два воздушных шарика. И еще он плохо видит, вон, линзы на очках какие толстые. Несмотря на эти факторы, очень сомнительно, что мальчишка вдруг вспылал стра-

стью к Хлоди.

– Простите, – вступил в разговор Майкл, – вы сотрудник аэропорта?

– Ах, извините, – смутился прыщавый парень, покопался в кармане куртки и вытащил визитку, – вот, возьмите. Я тоже участвую в проекте.

Майкл взял визитку. Сверху было написано «М. Бенджамен Войт», чуть ниже «менеджер» и название фирмы. Название ничего не сказало Майклу, чтобы продолжить разговор, он поинтересовался:

– А что означает буква «М»?

Парень страшно смутился и даже протянул руку, чтобы отобрать у Майкла визитку, но вовремя понял, что это выглядит смешно.

– «М» – это... Это мое первое имя, – он замолчал, надеясь, что дальнейших вопросов не будет. Но тут светскую беседу решила поддержать Хлоди. Ей, во-первых, хотелось еще раз услышать обращение «леди», а во-вторых, она была страшно недовольна тем, что муж в очередной раз пытается оттеснить ее на задний план. Миссис Майкл Фонг издала странные звуки, свою собственную интерпретацию «кокетливого смеха». Будь у нее в руках веер, она бы хлопнула парня по руке, но веера не было, поэтому Хлоди перехватила визитку:

– Я попробую угадать, – игриво начала она. Парень еще больше смутился и затравленно оглянулся, похоже, искал пу-

ти к отступлению, но было уже поздно. – «М», – продолжила Хлоди, – это Майкл. Я угадала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.